Бешеный прапорщик

Автор:
Игорь Зурков

Бешеный прапорщик

Игорь Аркадьевич Черепнев

Дмитрий Аркадьевич Зурков

Бешеный прапорщик #1Боевая фантастика (АСТ)

Кто-то, сидя за книжками, с детства грезил о сражениях и подвигах… Кто-то бессонными ночами хотел сделать великое открытие и стать Нобелевским лауреатом… Кто-то, лежа на солдатской койке после отбоя, мечтал стать генералом…

Если ты долго смотришь в бездну, бездна тоже смотрит в тебя, – так говорил Ницше. И если шутить со Временем, то и Время может подшутить над тобой…

Их мечты сбылись. В другом месте и в другое время. Но есть одно «но» – идет Война… Неизвестная, о которой мало говорили и еще меньше вспоминали… Первая… Мировая… Мясорубка…

И неважно, как в данный момент Времени называется Страна, которой ты присягал. Ты будешь ее защищать от врагов. И внешних, и внутренних…

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Дмитрий Зурков

Игорь Черепнев

Бешеный прапорщик

© Дмитрий Зурков,

Игорь Черепнев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

***

Авторы благодарят всех участников литературных форумов «В вихре времен» и «Самиздат», оказавших неоценимую помощь, и особенно:

Светлану Полозкову; Элеонору и Грету Черепневых; Анатолия Спесивцева; Владимира Геллера; Игоря Мармонтова; Виктора Дурова; Виталия Сергеева; Александра Колесникова; Владимира Холева; Валерия Дубницкого; а также всех остальных читателей, без чьих замечаний книга не получилась бы такой, как она есть.

***

Дмитрий Зурков

Родился 22 мая 1965 года в г. Гомеле. В 1984 году поступил в ВИКИ им. А. Ф. Можайского, проходил службу в частях Военно-морских космических сил РФ. В 1999 году уволился в запас в звании майора и вернулся в Беларусь. В

настоящее время преподает в колледже.

Игорь Черепнев

Родился 25 ноября 1962 года в семье кадрового офицера. В 1979 году поступил в Харьковское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск им. маршала Советского Союза Н. И. Крылова. Служил на инженерных, научных и научно-педагогических должностях. Участвовал в подготовке пусков РН космического назначения на космодроме Байконур. В октябре 2005 года ушел в запас в звании подполковника. Увлечения: поэзия, ЧГК, военная история. Не женат.

Пролог

2001 год. Западная Сибирь, г. Колдино, войсковая часть 17141

Маяться исполнением обязанностей инженера дежурного расчета осталось совсем немного – проконтролировать ночью два сеанса управления и подготовиться утром к сдаче смены. Последнее отнимало достаточно много времени и душевных сил. И если с наведением порядка и мытьем всего, что только возможно, справлялись двое бойцов-операторов, то писать рапорт на прием-сдачу дежурства нужно было самому. А это, к слову, полтора листа слов, написанных русскими буквами, но не имеющих никакого человеческого смысла. Смысл у букв – только военный, то есть помогающий в случае чего прикрыть одно очень чувствительное место официальной бумагой.

Поэтому и писались изо дня в день фразы типа: «В течение прошедших суток по прогнозу погоды ветер был умеренный, порывами до сильного, северо-западного направления. Визуальным наблюдением реальная погодная обстановка от прогноза не отличалась. Антенные устройства согласно показаниям

действующей аппаратуры и визуально функционируют штатно».

Как будто какой-либо ветер мог повредить двойной круг метрового диаметра, сделанный из дюймовой металлической трубы. Хотя, если не кривить душой, сам был причастен к появлению подобного шедевра. Не надо было поддаваться на уговоры любимчика отдела ефрейтора Сашки Александрова, когда он предложил попрактиковаться в альпинистской подготовке. И все едино этому чуду природы, что высоты у двух этажей – всего шесть метров. Зацепил веревку за антенну на крыше, скинул свободный конец вниз и, предвкушая удовольствие, с улыбкой от уха до уха давай изображать местного спайдермена[1 - Спайдермен — человек-паук (англ. spider-man).]. Спустился на два с чем-то метра, а потом на землю брякнулся – вырвал крепление «гониометрической антенной системы изделия 17Б783» на крыше. Хорошо хоть отделался везунчик легким испугом и парой синяков. И ведь, умник, трос не к основанию, а к самому верху привязал. Ладно еще, что антенна была запасная – ту аппаратуру мы уже давно не использовали, но ведь числится, и в случае чего на нее переходить надо будет.

Поэтому доложил по команде, получил по тому самому очень чувствительному месту (чисто фонетически – пять минут мата от начальника отделения) и выдал приемлемую версию для доклада заму по вооружению о порыве ветра ураганной силы, согнувшему АФУ[2 - АФУ – антенно-фидерное устройство.] под углом 28 градусов от вертикали. А также услышал от любимого начальника, что теперь он точно выбьет рубероид и битум для ремонта крыши и точно знает, кто будет этим ремонтом заниматься весь весенне-летний период.

Впрочем, обо всем по порядку. Меня зовут Журов Денис Анатольевич, одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения. Два года назад окончил Академию имени А. Ф. Можайского, теперь в звании старшего лейтенанта служу в военно-космических силах, в богом забытом городке Колдино с населением в три с половиной тысячи человек, включая вахтовиков-нефтяников и наших бойцов из батальона обеспечения, в трехстах с чем-то километрах от ближайшего нормального мегаполиса областного масштаба. Служу по своей специальности на пункте точного времени, который контролирует привязку сигналов навигационного комплекса, а заодно обеспечивает точными частотами все остальные станции части. А также тащу лямку в нарядах и занимаюсь прочей армейской рутиной, в которую в том числе входит проведение занятий с ротой охраны по рукопашному бою и несению караульной службы. Не то чтобы я был каким-нибудь рембой или ниндзей, просто еще в школе начал заниматься

дзю-до, потом бросил, затем снова втянулся в изучение боевых искусств, но уже на уровне солдата-срочника, имеющего замкомвзвода с черным поясом по Шотокану. Про нашего начфиза в академии – отдельная песня. Представьте себе сто двадцать килограммов мышц и костей с взглядом ласкового убийцы и носящего кличку «Шварце тодт», то бишь Черная Смерть. Это и будет наш «любимый» майор Касатов с кафедры физподготовки. Специализация – самбо, дзю-до, рукопашный бой. Между прочим, поговаривали, что он выступал в составе сборной команды СССР на каких-то там заоблачных международных соревнованиях.

Потом, когда выпустился и приехал в часть, сошелся с другими фанатами-спортсменами, и занимались мы каждый своим, пока один из наших не съездил на семинар по системе Кадочникова. Рассказать и показать он смог далеко не всё, но даже то, что мы услышали и увидели, очень понравилось. А следующим августом мы получили подарок Судьбы в виде молодого летехи, неизвестно каким чудом распределившегося к нам из Краснодарского училища РВСН. Молодое дарование, учившееся у самого Деда, быстро наладило учебный процесс, и результаты стали очень заметны. Настолько, что после полугода занятий командир части, посмотрев на все эти «фокусы», сделал из нашего «кружка по интересам» группу быстрого реагирования. Так, на всякий случай – на артскладе полтысячи калашей, а кругом тайга. И привлек к занятиям с ротой охраны, чтобы служба медом не казалась. То ли нам, то ли им, то ли всем вместе. Поэтому каждый день, если я не на смене и не в наряде, то после обеда в караульном городке дрессирую заступающий караул на предмет нападения на пост, на караулку и т. д. А если, как сегодня, на дежурстве, то тренируюсь в свободное время с вышеупомянутым ефрейтором Александровым по прозвищу «Сан Саныч», который, увидев пару раз занятия с ротой охраны, возгорел непреодолимой тягой к данному виду смертоубийства.

Этот индивидуум, наверное, по жизни был склонен к авантюрам и рискованным действиям. На моей памяти это был единственный случай, когда «молодой» отказался выполнять какие-то работы за дедов, да еще научно все обосновал. Когда ко мне с вопросом «Что такое энтропия?» обратился один из дембелей, со скрипом окончивший школу только благодаря пролетарскому происхождению, я чуть не упал со стула, и первой мыслью было потрогать ему лоб, – не заболел ли часом. Оказалось, что при попытке припахать «духов», некоторые представители старшего призыва выслушали мини-лекцию минут на десять о том, что при неравномерном распределении работы увеличивается эта самая энтропия в казарме, что может привести к необратимым опасным последствиям как для самих «дедушек», так и для человечества в целом, и даже

Кашпировский не сможет никому помочь. Причем автор привел в свое оправдание кучу непонятных формул…

Пришлось подтвердить правоту лектора, стараясь сохранить серьезное выражение лица, а затем поинтересоваться у автора сентенции, откуда у него столь глубокие познания предмета. Оказалось, что рядовой Александров прибыл к нам прямо после окончания третьего курса физмата. И что толковый и башковитый студент, бывший по совместительству еще и капитаном факультетской команды «Что? Где? Когда?», не смог обуздать свое любопытство в области практического изучения анатомии и физиологии противоположного пола. А объектом его исследований, как назло, оказалась доченька декана филологического факультета, идеей фикс которой было желание выйти замуж. С помощью папы она оставила потенциальной жертве только два варианта: загс или Вооруженные Силы Российской Федерации. Здраво рассудив, что армия – это всего на два года, а семья – надолго, если не навсегда, юноша выбрал первое и по счастливой случайности попал не в элитные сортиростроительные подразделения, а к нам в часть, чему был бесконечно рад. И быстро стал ефрейтором, действительно грамотным и надежным помощником на станции и, практически, специалистом на все руки. А со своей продолжавшейся болезненно-непреодолимой тягой к прекрасному полу он продолжал мужественно бороться. С нашей помощью…

В тот день вечером сеансов было мало, и мы с ним пошли на первый этаж заниматься рукопашкой. И все было бы ничего, если бы начальником смены с нами не заступил наш «Тесла» – майор Тимин, который был в отделе единственным «научником». В полном соответствии с анекдотом: «ЭВМщик – золотая голова и золотые руки, вот еще бы нормальный драйвер между ними…» Нет, мужик он и в самом деле умный до невозможности, но увлекся теорией времени, благо по специальности, и постоянно находится на этой волне. То сидит на смене и научные журналы килограммами читает, то целыми ночами что-то вычисляет. Математические выкладки у него – по полтетради. Девяностошестилистовой!..

Недавно из медной проволоки пирамидки паять начал, мол, они еще в Древнем Египте влияли на ход времени. Теперь вычитал где-то про эксперимент с водой и загорелся его повторить. Опыт простейший – нужно моментально смешать два равных объема воды – часть при плюс четырех градусах Цельсия, часть в момент закипания, тогда, по его мнению, подтвержденному двумя общими тетрадями выкладок, ход времени ускорится на какую-то милли-микро-пико-секунду. Для

этого он нашел в автопарке старую цилиндро-поршневую группу от «Кировца», насверлил дырок, как в мясорубке, присобачил в качестве двигающей силы тяговое реле с системой рычагов. А чтобы усилить эффект «эпохального» открытия, развесил вокруг этого монстра свои медные пирамидки. Причем вся конструкция была почти полностью запихнута в гелиевый стандарт частоты, стоящий в резерве. И теперь бегал как ужаленный от закипающего чайника на крыльцо, где в ведре собиралась замерзать вода, благо на улице был легкий сибирский морозец, каких-то минус двадцать по Цельсию, и обратно.

Мы с Сашкой отодвинулись немножко в сторону, чтобы не мешать стихийному бедствию в майорских погонах, и начали работать с палками. Где-то минут через семь мимо нас пронесся Тесла с ковшиком ледяной воды и исчез в аппаратной, затем туда же последовал кипящий чайник и в следующий момент одновременно произошли несколько событий. Во-первых, Саныч, зверь хитрый, умудрился пройти мою защиту и его палка резво полетела мне в лоб, во-вторых, из аппаратной донесся майорский вопль «Йопть!», а в-третьих, у меня в глазах резко потемнело и появилось чувство, что меня выворачивает наизнанку и я куда-то лечу… То ли вниз, то ли вперед, то ли во всех направлениях сразу…

Это удовольствие продолжалось одно мгновение, потом я открыл глаза и увидел перед собой край какой-то ямы, комья грязно-серого снега вокруг, мелкую пожухлую травку по краям, покрытую наледью… и шикарный взрыв рядышком, метрах в пяти… А затем наступила Великая Темнота!..

Глава 1

Где-то… когда-то…

Сколько прошло времени, пока в голову вернулись мысли, осталось неизвестным. Но когда это случилось, почти все они были не очень цензурными. Если перевести их с армейского на русский литературный, то звучали они примерно так:

1. Что…!!! случилось?

2. Что наделал этот…!!! …товарищ…!!!..майор?

3. Это…!!! Саныч…!!!.. так!!! …хорошо!!! …приложил меня?

Потом появились новые ощущения: какой-то далекий шум и почему-то запах то ли хлорки, то ли дегтя, а может, и еще чего-то. Глаза открыть получилось только со второй попытки, но ясности это не принесло. Вокруг лишь расплывчатые двигающиеся тени. Далекий шум потихоньку стал превращаться в голос, говоривший кому-то: «Ну вот, вроде приходит в себя… а мы уже и не надеялись». Ощущения были схожи с теми, которые я пережил когда-то после сотрясения мозга. А тени в глазах – это, скорее всего, действие закапанного атропина. Только голова раскалывается от жуткой боли. А потом опять все исчезло…

Второе пробуждение было легче физически, но в мою бедную голову принесло очень странную информацию. Приоткрыв глаза, увидел сначала белое небо, которое по мере наведения резкости оказалось потолком. Причем он был каким-то странным – высоким и с лепной розеткой по центру. Что сразу меня смутило, там не было люстры, то есть вообще никакой. А самое странное – ни в техздании, ни в медпункте таких высоких потолков никогда не было!..

Чуть-чуть скосив глаза, что вызвало эффект карусели, типа голова остановилась, а глаза дальше поехали, я увидел кого-то медицинского, идентифицировав по красному кресту на переднике. Владелица красного креста (это я определил по голосу) наклонилась над неподвижно лежащей тушкой и достаточно приятным голосом изрекла: «Слава богу! Очнулся!» После чего исчезла из поля зрения, но скоро вернулась еще с одним служителем Эскулапа. Появившийся был худым, одетым в белый халат, дяденькой лет около пятидесяти, очень похожим на доктора Айболита из-за золотистого пенсне и козлиной бородки. Именно таким тот был нарисован в моей любимой в далеком детстве книжке с картинками. Он и оказался доктором Михаилом Николаевичем Голубевым, и, по его словам, особо заинтересовался попавшим к нему контуженным близким разрывом германского снаряда прапорщиком, которого доставили на излечение без сознания и почти без признаков жизни…

Как только он закончил свою фразу, у меня опять все поплыло перед глазами.

«Какой …!!!..разрыв???»

«Какой …!!!..германский снаряд???»

«Какой …!!!..прапорщик???»

Ответы на вопросы зазвучали прямо в голове:

«Прапорщик Гуров Денис Анатольевич, младший офицер второй роты первого батальона двадцать третьего пехотного Низовского полка, попал под артиллерийский обстрел со стороны германцев…»

«А я, старший лейтенант Журов Денис Анатольевич, честно говоря, ни х… то есть ни хрена не понимаю, что сейчас происходит!.. Был у себя в техздании и вдруг – бам-м, и я здесь! И, вообще, здесь – это где?! И что сейчас вокруг творится?!»

«Вокруг идет война. Мы с союзниками по Антанте воюем против Германии, Австро-Венгрии и Турции. А именно сейчас мы, то есть я, прапорщик Гуров, с непонятно откуда звучащим в голове чьим-то голосом нахожусь в госпитале, куда попал после контузии…»

Сказать, что последовала немая сцена, значит, не сказать ничего. Минуты три, наверное, я пытался из всех известных мне букв собрать все ненормативные слова, которые когда-то знал, чтобы осознать случившееся. Получается, что я нахожусь в теле и как бы совместно с сознанием какого-то прапорщика времен Первой мировой войны… Это что, сделанная на коленке… машина времени майора Тимина… или какие-то непонятные глюки неизвестно с чего…

«Нет, это действительно одна тысяча девятьсот пятнадцатый год от Рождества Христова, это действительно война, которую ты назвал почему-то Первой мировой, как будто была уже другая… И ты не мог бы высказываться поприличней, без низких слов, как и подобает воспитанному человеку».

«Ах, простите ваше высокоблагородие! Не извольте сумлеваться, чичас исправлюсь!»

«Во-первых, просто «ваше благородие», высокоблагородием становятся после получения чина штаб-офицера, а я – обер-офицер. Во-вторых, если ты тоже

носишь офицерские погоны, кстати, прости за тыканье, но обращаться на «вы» к голосу в своей голове – это нонсенс. Так вот, если ты тоже носишь офицерские погоны, не к лицу разговаривать, как половой в третьесортном трактире… Хотя я только у флотских слышал это звание».

«Хорошо, извини. Просто я так привык… у себя», – и тут до меня окончательно дошло, что если это не бред и не галлюцинации, то я в другом месте и в другое время, и это «у себя» еще долго не наступит… Да и наступит ли вообще?.. И что я не знаю, что делать и как себя вести в этом месте и в этом времени. Я беспомощен, как ребенок…

Наш разговор был прерван «доктором Айболитом»:

– Голубчик, вы меня хорошо слышите? Скажите что-нибудь в ответ, а если не можете, кивните головой или шевельните пальцами.

Оказывается, наш диалог в голове продолжался доли секунды.

– Док… тор… я… вас… слы… шу… – Говорить было очень трудно, в горле пересохло и сильно першило.

– Дарья Александровна, голубушка, дайте ему попить, – это он обращался уже к медсестре. «Сестре милосердия», – прошелестело в голове.

Дарья Александровна, которой было от силы лет двадцать, судя по симпатичному личику и огромным серым глазищам, поднесла к губам что-то похожее на малюсенький чайничек, и в рот полилась прохладная и невероятно вкусная вода. Простая вода, но она была настолько вкусна, что хотелось пить, пить и пить без конца.

– Хватит, голубчик, хватит на первый раз. Раз вы пришли в себя, я приставлю к вам сиделку, но пить и есть много сразу не надо, будет только хуже. Я навещу вас завтра, а пока – отдыхайте, – с этими словами доктор вышел из палаты. За ним выбежала и медсестричка, а я остался переваривать все сказанное и осознанное за это время.

Глава 2

Двуединый Денис Анатольевич. Госпиталь

Из своего небольшого жизненного опыта я давно понял, что как только начинаешь слишком эмоционально воспринимать стрессовую ситуацию, то ты уже проиграл ей. Даже в прочитанной мельком и по случаю забугорной инструкции по поведению при взятии тебя в заложники рекомендуется загружать свой мозг активной логической работой. От вспоминания телефонов и адресов друзей до повторения таблицы умножения. Поэтому, сделав три глубоких вдоха-выдоха, я мысленно позвал своего «тезку» продолжить разговор. Он не откликнулся. Повторный вызов также остался без ответа… Ну, и что мне теперь делать?.. А то же самое, только посильней захотеть! Есть универсальный способ – стиснуть зубы и сжать кулаки. И очень сильно захотеть… Звездочки перед глазами…

«Денис!!!»

«Я здесь, не напрягайся, голова заболит… Что ты хотел?»

«Послушай, Денис Анатольевич, как мы дальше-то жить будем? Я вроде как агрессор получаюсь, пусть и не по своей воле. Втиснулся к тебе в голову, в твое тело, в твое время и не знаю, как из этого всего выбираться буду. И, главное, когда… Попытаться стать тобой? Или будем жить с раздвоением личности?»

«Ты знаешь, я до недавнего времени не дорожил ни своим телом, ни своей головой, да и на фронт пошел, чтобы умереть».

«Ну, я догадывался, что на войне иногда умирают…»

«Нет, ты не понял… Я хотел покончить с собой, но у меня не хватило для этого душевных сил… Поэтому подал прошение об отправке на фронт вольноопределяющимся, но вмешался отец. Он не знал истинной причины, но решил, что быть нижним чином человеку с высшим образованием невместно. Поэтому настоял на зачислении в школу прапорщиков. Я там отучился четыре месяца и, получив погоны, попал на фронт. Служил в пехоте, сидел в окопах, даже в атаку ходил несколько раз, но пока под разрыв снаряда не попал, не

было ни единой царапины. Когда рядом рвануло, подумал – наконец-то, а потом очнулся здесь уже вместе с тобой. И думаю, что если я, в смысле мое сознание, моя душа умрет, то ты останешься единственным хозяином моего тела…»

«Извини за нескромный вопрос, а в чем причина твоего желания умереть? Извини еще раз за то, что спрашиваю».

«Причина?.. Причина в девушке, которую любил. Мы были представлены друг другу на приеме у общих знакомых… Приехал тогда на каникулы на выпускном курсе, мне казалось, что еще немного, и весь мир будет у моих ног. Я не был круглым отличником, но шел в десятке лучших. Мои преподаватели предрекали мне блестящую карьеру, все казалось таким ярким, легко достижимым, а тут еще познакомился с самой лучшей девушкой на свете… Она, кажется, начала отвечать мне взаимностью, мы часто встречались, о многом говорили, я был счастлив от того, что она смотрит на меня, слушает меня, понимает меня почти с полуслова… А потом в нашей компании появился новый человек, который попытался стать мне конкурентом… Дело было на именинах моего близкого друга. Я чувствовал себя превосходно, но потом как-то моментально опьянел буквально с трех глотков шампанского и не смог держаться на ногах. Поэтому меня отвезли домой на извозчике, а меня провожал мой соперник… Спустя какое-то время это происшествие забылось, но девушка немного ко мне охладела, а потом в один из дней, неприступная и ледяная, как айсберг, сказала, чтобы я не искал больше встреч с ней, что порывает со мной всякие отношения, что я – подлец и низкий человек, распускаю о ней вздорные и неприличные слухи. Мне хотелось объясниться, но она не стала даже слушать и указала на дверь. А через месяц я узнал, что она помолвлена с тем самым моим соперником. Сейчас они, наверное, уже повенчались, но я не смог ее забыть… Дальше ты все знаешь…»

«М-да… не знаю, как это доказать, но мне кажется, что твой соперник тебя самым подлым способом подставил. Подсыпал чего-нибудь в бокал, там ляпнул словечко, тут два, через третьи уши какую-нибудь гадость про нее сказал, сославшись на тебя, и все. В мое время такие вещи просчитываются на раз».

«Я об этом тоже думал, но доказать ничего никому не могу… Кстати, а ты можешь рассказать что-нибудь о себе, и что означает твоя фраза «в мое время»?»

«Дьявол, вот что и как рассказывать человеку о том, что будет почти через сто лет?»

«…!!!»

«Да, я из того времени, которое для тебя является будущим, а для меня – настоящим… или уже прошлым? Не знаю… Я, старший лейтенант Журов Денис Анатольевич, твой тезка, проходил службу в военно-космических силах Российской Федерации…»

«Вы воплотили в жизнь идеи господина Циолковского? Он в одна тысяча девятьсот одиннадцатом году наделал много шума в научных кругах своей теорией…»

«Дай мне договорить все по порядку, а то информация будет слишком сумбурной. Я служу, то есть служил в части управления космическими аппаратами, а до этого закончил Военную академию имени Можайского…»

«Вы умеете запускать в космос какие-то аппараты? А из пушки на Луну кто-нибудь уже летал? Французский писатель Жюль Верн написал книгу, где это описывается…»

«Если выстрелить из такой пушки, до Луны в лучшем случае долетит фарш из человеческих останков, тщательно перемешанный с обломками приборов. А в худшем – упадет обратно на Землю. А космические аппараты мы запускаем… запускали… Короче, они в космос попадают с помощью ракет в полном соответствии с теорией Константина Эдуардовича Циолковского».

«А что за федерацию ты упомянул? Это какая-то страна?»

«Российская Федерация – это страна, существующая на месте Российской империи в довольно урезанном виде, по своей структуре – демократическая республика, примерно как Франция, но со своими российскими прип… особенностями. Хм, извини, сорвалось. Холост, любимой девушки пока нет, впрочем, ничего уже нет. Сижу вот в твоей голове и охреневаю потихоньку…»

«А почему Российская империя стала Российской Федерацией?

«Да потому, что через пару лет будет революция, царь отречется от престола, появится Учредительное собрание, которое не сможет управлять страной, фронт развалится, потом власть возьмут большевики, заключат с немцами сепаратный мир, чтобы удобней было со своими воевать – «гражданская война» называется, потом станут строить коммунистическое государство… а лет через семьдесят это государство тихо рассыплется и на его обломках возникнет Российская Федерация, которую страны Европы и Америка будут стараться опустить ниже плинтуса…»

«Подожди, ты говоришь такие вещи, что становится страшно…»

«Ты знаешь, подробно это рассказывать очень долго, а я еще не все детали знаю, историей увлекался, но не очень, в основном любил читать о временах богатырской Руси. Меня сейчас больше волнует, как мы вот таким двуликим Янусом жить будем».

«Volens nolens[3 - Volens nolens (лат.) – волей неволей, хочешь не хочешь.] этот вопрос разрешится… Пусть это тебя не беспокоит… Расскажи мне лучше свою историю…»

Два следующих дня были заполнены только лежанием и разговорами с самим собой – я рассказывал все, что знал о событиях после войны, о гражданской войне, об истреблении Белого движения, о восстановлении страны, о голодающих Поволжья и Украины, о ДнепроГЭСе и индустриализации, о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, в общем, о всей истории Советского Союза и постсоветской России. Этот продолжительный рассказ ненадолго прерывался с появлением «ангела милосердия» Дарьи Александровны, которую доктор приставил ко мне сиделкой. Она кормила меня с ложечки и пичкала разными порошками и пилюлями, попутно сообщая мне важные по ее мнению новости, начиная от замечательной погоды до пересказа событий на фронте, изложенных в газетах. Из этих же разговоров я узнал, что она окончила гимназию в прошлом году, поступила на курсы сестер милосердия и после окончания попросилась во фронтовой госпиталь. Мне нравилась эта общительная и доверчивая барышня, старавшаяся помочь всем и везде в меру своих сил. Это время еще не знало жестокости других войн, когда бомбили и расстреливали с бреющего полета лазареты, когда снайперы специально ранили солдата и ждали, когда к нему подползет санитар, чтобы подстрелить и его, когда банды боевиков прикрывались живым щитом из беременных женщин и

детей, чтобы выбраться из кольца…

Было очень интересно разговаривать с ней, впитывать вместе с ее словами какую-то особенную ауру этой эпохи, изредка пользуясь подсказками своего второго Я, чтобы не попасть впросак с реалиями этого времени. Наверное, так же, с сияющими глазами, зачитывали сводки Совинформбюро о победах Красной Армии вчерашние школьницы, служившие медсестрами и санитарками в госпиталях Великой Отечественной. Прапорщик Гуров ушел куда-то в глубь сознания, но иногда напоминал о своем присутствии, когда с языка был готов сорваться очередной ляп. Приходилось косить под кашель и по ходу разговора исправляться…

На третий день я попытался встать с койки, и это немного получилось. Тело после контузии не хотело слушаться. Поэтому попыток было четыре, а удачной оказалась только последняя. Подъем в вертикальное положение как раз совпал с визитом Дарьи Александровны в палату. Было немного смешно видеть округлившиеся глазищи и приоткрытый от неожиданности рот. Потом была попытка удержать шатающееся «привидение» от падения и уложить обратно в койку. Напоследок прозвучало возмущенное обещание наябедничать доктору на мое плохое поведение и нарушение лечебного режима. Причем оно было выполнено незамедлительно, сразу после того, как я растянулся на койке. Но когда Михаил Николаевич появился в сопровождении «милосердного ангела» в дверях, я снова стоял возле койки и, наверное, глупо улыбался, пытаясь сохранить равновесие, которое никак не хотело сохраняться. Доктор оглядел палату, вдруг улыбнулся в ответ, вновь став похожим на сказочного Айболита, и произнес свой приговор:

– Ну-с, господин прапорщик, не лежится? Хочется быстрее вырваться на свободу? А о последствиях своей контузии вы мне думать предоставили? Зачем, я вас спрашиваю? Для чего вы над собой насилие учиняете?

– Доктор, я чувствую себя достаточно хорошо, чтобы начать двигаться. Голова чуть-чуть кружится, а в остальном все в порядке.

– Хорошо, сударь мой, если сделаете самостоятельно хотя бы два шага, я поверю вашим словам, только вот мы с Дарьей Александровной будем вас на всякий случай поддерживать.

Ну, ладно… Как там мы учились? Сконцентрировать внимание в точке ДАНЬ-ТЯНЬ, вдох-выдох, и вперед помалу… Стоя рядом с койкой, я пытался отдышаться, обтекал холодным потом, но на ногах стоял без всякой помощи.

Рядом со мной возбужденно шумел доктор:

– Неделя едва прошла после тяжелейшей контузии, а человек сам встает и идет?! Чудеса, да и только!

– Михаил Николаевич, ничего чудесного и волшебного, просто очень надоело лежать. Человеку нужно двигаться, ибо движение есть жизнь.

Доктор как-то по-особенному посмотрел на меня поверх пенсне, покачал головой абсолютно по-стариковски и произнес:

– Теперь вот молодежь меня еще медицине учить будет… Разворачивайтесь, господин прапорщик, и шагом марш в постель. Это я вам как старший начальник приказываю.

– Слушаюсь, доктор!

Обратная дорога заняла времени и сил больше, но дошел сам, хотя звездочки перед глазами кружились. С большим облегчением плюхнувшись на койку, я не заметил, как заснул.

Глава 3

Проснулся я от внутреннего толчка. В палате никого не было, сквозь высокие окна лился тусклый сумеречный свет, небо как будто было затянуто серым покрывалом. Внутри головы раздался голос «того» Дениса:

«Я хотел бы поговорить с тобой перед тем, как уйду… Ведь я и так не увидел особого смысла в дальнейшем существовании… А после того, как ты рассказал о тех ужасах, что ждут меня, да и всех остальных, в будущем, я окончательно утвердился в мысли, что ничего хорошего от жизни ждать не стоит…»

«Подожди, мы можем попытаться изменить все, переделать историю…»

«А я не хочу ничего менять… Девушка, которую я любил и люблю, сейчас с другим. И, что самое страшное, счастлива… Страна, где я родился и вырос, через несколько лет начнет превращаться в нечто ужасное… И один человек ничего не сможет изменить… Поэтому я ухожу… Как и собирался… Прощай…»

Внутри головы, а может, где-то, в невообразимой дали Вселенной, с печальным, тихим звоном лопнула тоненькая струна… Сердце пропустило один удар, другой…

…Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!..

«С-Т-О-Я-ТЬ!!!»

Воздух стал таким вязким и тяжелым, что невозможно было протолкнуть его через горло…

…Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!..

«Н-А-З-А-Д!!!»

Тело судорожно напряглось в попытке противостоять наваливающейся черноте…

…Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!..

«Т-В-О-Ю!!!.. С П-Р-И-С-В-И-С-Т-О-М!!!.. Ч-Е-Р-Е-З!!!.. К-О-Р-О-М-Ы-С-Л-О!!!»

Угасающий мозг уловил какое-то движение на самой периферии взгляда, но было не до разглядывания…

…Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Дышать!.. Дышать!..

Со звуком, похожим на что-то среднее между свистом и хрипом горло выдавило из себя первый выдох… Затем такой же хриплый вдох… И снова выдох…

…Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!..

Сердце судорожно ёкнуло… Потом еще раз… Еще…

…Стиснуть зубы и сжать кулаки!.. Стиснуть зубы и сжать кулаки!..

Тьма перед глазами стала рассеиваться, появились плавающие очертания стен, потолка, окон… и чудесного сверкающего облачка прямо перед глазами… Оно начало увеличиваться, и в какой-то момент я очутился внутри него. Стало легко и спокойно. Воздух уже не рвался клочьями из легких, сердце стучало спокойно и уверенно… Сознания коснулась легкая, как дуновение летнего ветерка, мысль: «Спи! Все будет хорошо!..»

…Очнулся от негромкого разговора. Не открывая глаз, по голосам определил доктора и Дарью Александровну.

– Дашенька, это действительно из ряда вон выходящий случай. Такое бывает чрезвычайно редко. А вы – молодец! Он ведь только вашими стараниями жив остался, если б не вы, свезли бы уже прапорщика в покойницкую…

– Да что вы, Михаил Николаевич, я в процедурную шла, сюда случайно заглянула…

– Голубушка, да ведь процедурная в другом крыле… Да не смущайтесь вы так, ничего плохого в этом нет…

– Я увидела, что он в одно и то же время и хочет жить, и нет. Как такое может быть?

– Не знаю… Встречу Целителя, спрошу у него…

На этом я окончательно провалился в черный, тяжелый сон…

Проснувшись, почувствовал себя достаточно бодрым, чтобы сделать одно маленькое, но очень важное дело…

«Денис!!!» – на этот раз он откликнулся с секундной заминкой.

«Что?»

«Су…й потрох!!! Сам захотел сдохнуть, и меня за собой потянул!!! Обидели бедненького!!! Девушка не того, бл…, выбрала!!! А что в тебе есть такого, чтобы тебя выбирали?! А?! Студентом он почти лучшим был! И что?! Кто какую пользу с этого получил?!»

«Что ты себе позволяешь? Поче…»

«М-О-Л-Ч-А-Т-Ь!!! Ты и в армию пошел, чтобы легче было помереть! Не напрягаясь! Все должны всё за тебя делать! Ты ужасался тому, что я рассказывал, а сам ничего не сделал для своей страны, своей империи! Из-за таких ушлепков, как ты, мы проиграем войну! Потому что думать вы будете о своих никчемных жизнях, а не о том, как победить!»

«Не смей так… Ох-х!»

Ледяная злость наполняла меня, и чисто рефлекторно я направил ее, как луч фонарика, на «то место», где звучал его голос…

«Теперь ты будешь сидеть и молчать! Говорить только с моего разрешения, да и то, если я разрешу обратиться!.. ТЫ ВСЕ ПОНЯЛ?!»

«Да», – в голосе были слышны удивление и боль…

«НЕ СЛЫШУ!!!» – еще один «выстрел на звук»…

«Уф-ф!.. Я понял, понял!!!»

«Тогда исчезни, и пока я не позову, не появляйся! ПОШЁЛ!..»

Глава 4

Прошло уже две недели после той «битвы титанов в одном флаконе». За это время мне смертельно надоело валяться на койке без дела и изучать трещинки на потолке вплоть до самых маленьких. Поэтому стал вспоминать точечный массаж, который показывал один из наших любителей у-шу. Попросил «няньку»-санитара выстрогать маленький колышек наподобие карандаша. Тот удивился, но просьбу выполнил, за что и получил полугривенный. И теперь каждое утро в качестве зарядки прохожу «инструментом» по точкам от большого пальца до локтя. Помогает очень даже неплохо. А если прибавить к тому дыхательную гимнастику, то еще лучше. Правда, для этого нужно вставать, что пока нежелательно с точки зрения Михаила Николаевича, но санитар, приставленный ко мне «пестуном», поймав на этих занятиях, пообещал молчать как рыба.

Сам он, старый солдат, в русско-японскую войну был ранен, вылечился, да так и остался при докторе то ли денщиком, то ли помощником… Теперь «смотрел» тяжелых, лежачих раненых, выполнял все грязные процедуры, но у меня возникло стойкое подозрение, что Петрович, как звали его все, вплоть до самой последней прачки, был природным психотерапевтом. Настоящая его помощь была в разговорах. С трудом мог писать и читать, но скажет по-простому, по-деревенски несколько слов, и на душе становится как-то легче и спокойней. Он рассказывал о том, как в далекие годы, когда был еще мелким постреленком, лазил с друзьями по чужим садам или ловил рыбу на речке, а я невольно ловил себя на мысли, что слушаю сказку какой-то Арины Родионовны…

Два раза за это время был удостоен визита госпитального батюшки, высокого здоровяка с начинающей седеть бородой, пахнущего ладаном и воском. Разговоры с ним получались короткими. Было непривычно и неловко беседовать со священником, который в свою очередь воспринял это за последствия контузии, пообещал помолиться за меня и напомнил, что скоро уже Великий пост.

Дарья Александровна заходила теперь реже, только для того, чтобы накормить лекарствами, или сопровождая Михаила Николаевича на обходе. Но и этого времени хватало, чтобы немного поболтать. Так я узнал, что лежу, оказывается, на именной койке. С началом войны, когда военные госпитали перестали справляться с большим наплывом раненых, к этому делу подключились общественные организации и даже отдельные люди. Госпиталь, где я

находился, был создан Российским обществом Красного Креста, а койка, на которой имел удовольствие располагаться, содержалась и финансировалась Гомельской женской гимназией, которую Дарья Александровна и закончила. И поэтому она, отчего-то покрывшись смущенным румянцем, заявила, что считает своим долгом поддерживать реноме своей альма-матер.

Наконец сегодня я услышал долгожданное разрешение вставать и даже прогуливаться, в меру сил, разумеется, по палате и в коридоре. Тут же был задан вопрос о прогулках на свежем воздухе, и после недолгого размышления получен положительный ответ. Помимо этого в процесс излечения была добавлена лечебная гимнастика и физиотерапия. С физкультурой все было понятно – сплошная тренировка вестибулярного аппарата. Но от физиопроцедур я «выпал в осадок».

Ультрафиолетовые ванны и гальванизация… С первым проблем не возникало. Загорать, так загорать. На свежем воздухе. Солнышко греет совсем по-весеннему. Конец февраля, Масленицу уже отпраздновали, даже чучело сожгли. И блинов поели… А вот с гальванизацией – ну зачем я буду из себя резистор или конденсатор изображать? Но тут вмешалась Судьба и подкинула очень весомый аргумент «ЗА». Гальванизацию проводила… угадайте кто? Пришлось согласиться. И постараться при этом скрыть радостную улыбку…

На следующее утро я еле дождался брадобрея, переоделся в свою выстиранную форму, которую принес Петрович, накинул шинель на плечи и отправился на свою первую – после контузии – прогулку. Спустившись по лестнице на первый этаж, толкнул дверь и вышел во внутренний двор… И замер как вкопанный!.. Мама дорогая!!!.. На этом нормальные слова кончились и пошли ненормативные… И вырывались они около минуты, пока сознание пыталось привыкнуть к новому миру!.. Это же футурошок наоборот… Ретрошок… Из окон палаты были видны только крыши других домов да купола двух колоколен, стоявших вдалеке… Сейчас же на меня обрушился действительно другой, новый, мир… И через миг до сознания дошло, что это – всерьез и навсегда… Воздух, пахнущий по-другому, лавина запахов, из которых знакомыми были только конский пот, махорка и деготь… Скрип и шорох деревянных полозьев по подтаявшему снегу, даже матерная перебранка ездовых и санитаров, – все ощущалось иным… Вот теперь «пробило» окончательно и бесповоротно!.. Чтобы прийти в себя, потребовалось какое-то время… По двору сновали люди, у госпитальных ворот стояли телеги с ранеными, рядом солдаты таскали носилки внутрь корпуса. Ко всем ощущениям добавился сладковатый запах крови и почти

физическое ощущение чужой боли…

– Вашбродь, отойдите в сторонку, дабы носить сподручней было, – неизвестно откуда взявшийся Петрович потянул за рукав шинели. – Вокзал переполнен, так доктор приказал пока у нас их разместить. Эшелон пришел, а людей-то и положить некуда. Так на перроне носилки и хотели оставить, да мимо Михаил Николаевич проезжал. Сейчас отогреем, перевяжем, чаем напоим…

Взгляд зацепился за две женские фигурки, стоявшие в стороне. Одну и узнавать не надо: из миллиона узнаю Дарью Александровну. А вторая, видимо, сестра милосердия, приехавшая с ранеными. И знают они друг друга не первый день, беседуют, как близкие подруги…

– Пойдем, Машенька, я тебе кофе приготовлю… – донесся обрывок фразы, когда девушки проходили мимо, – а то замерзла вся, дрожишь, как заячий хвостик…

Постояв во дворе еще минут десять, я немного продрог и побрел в палату. Завтра начинается новая жизнь…

Она началась с прогулок по маленькому парку, окружающему госпиталь. Правда, недолгих и медленных, в сопровождении «дядьки» Петровича. Часто к нам присоединялись другие раненые. Минут через двадцать все усаживались в заброшенной беседке, доставали свои кисеты, и начиналась «дымовая атака» под разговоры за жизнь… Жизнь в разговорах чаще всего была военной и невеселой. Хватало и домашних проблем, и окопного быта, и недостатка патронов, и придирок со стороны унтеров и офицеров. Правда, особо рьяных критиков осадил Петрович:

– Вот, помню, в Артуре генерал Кондратенко Роман Исидорович нами командовал… Пулям не кланялся, солдатиков берег, да и сам погиб, как солдат. И вона у нас в госпитале сколько их благородий пораненных лежало… Я-то их поболее вашего повидал, так што неча тут всех под одную гребенку…

А я сидел с закрытыми глазами, подставив лицо весеннему солнцу, слушал и узнавал для себя много нового и интересного…

Глава 5

Неспешно прошло еще несколько дней, и, когда я почувствовал себя более-менее уверенно, пошел на прием к доктору на предмет выписки и отправки в часть. В результате долгого и продолжительного разговора на повышенных тонах со стороны Михаила Николаевича обе высокие договаривающиеся стороны пришли к согласию в том, что неугомонный прапорщик уйдет в отпуск по ранению, а потом, после освидетельствования, вернется в строй, если его планы не изменятся, потому как с такой контузией надо еще «на печи полежать», а не по окопам прыгать, да и эпилепсия или апоплексический удар могут случиться, если на рекомендации врача внимания не обращать, и т. д. и т. п.

В качестве встречного предложения я выпросил разрешение провести этот отпуск при госпитале, так как о поездке домой, в Томск, речи не было, а искать внаем квартиру или комнату в городе долго и хлопотно. Мы располагались в довольно просторном особняке на окраине города. Михаил Николаевич предложил пока остаться в своей палате, достал из сейфа большой бумажный пакет и вручил мне:

– Эти вещи, сударь, были у вас при поступлении в госпиталь. Шашки не было, но пока вы у нас квартируете, могу одолжить. Проверьте, пожалуйста, и распишитесь в получении.

Внутри свертка лежал наган, барабан которого я тут же на автопилоте проверил, кошелек, карманные часы и всякая всячина. Оставив в регистратуре немного денег, чтобы встать на довольствие (в госпитале кормили сытно и вкусно), я отпросился у доктора на прогулку в город. Нужно было купить разные бытовые мелочи, а также найти что-то вроде спортивной формы для тренировок.

Выйдя за ворота, я геройски преодолел достаточно крутой спуск (не хватало еще грохнуться на гололеде) и, не торопясь, пошел по улице. Привыкший к безликим бетонным коробкам пяти- и девятиэтажек, я с удовольствием рассматривал небольшие деревянные дома, украшенные ажурной резьбой. Несколько раз попадались двухэтажные особняки, затейливо сложенные из кирпича, с небольшими балкончиками, огражденными коваными перильцами. Каждый дом имел какую-то свою «изюминку», по нему уже можно было составить определенное мнение о хозяине.

Пройдя мимо мужской гимназии, очутился на Базарной площади, этаком центре культурной, торговой и светской жизни любого маленького города. Торговые ряды, лоточники, снующие среди гуляющей публики, пара извозчиков со своими пролетками в ожидании клиента – все для меня было новым и интересным. Тут же, на площади находились последние достижения цивилизации – книжный магазин, типография, аптека и даже ресторация. Пока все вышеперечисленное было мне без надобности, так что, немного погуляв, решил возвращаться. На обратном пути заходил во все магазинчики и лавочки, которые многие коммерсанты устраивали на первом этаже или в полуподвале своих домов. В одном из таких магазинчиков я и обзавелся «спортивной формой», хотя как такового понятия спортивной одежды еще не существовало. Народ кидался в крайности – от трико для вольной, то бишь французской, борьбы до специальной пиджачной пары для игры в лаун-теннис. Спортивная обувь – отдельная песня. В общем, мне несказанно повезло в том, что я подобрал подходящие по размеру туфли для тенниса, холщовую рубаху-косоворотку и широкие шаровары. Все это было куплено в магазинчике для публики среднего достатка. Я уже собрался уходить, как зацепился взглядом за компанию маленьких фарфоровых статуэток, стоявших на одной из полок. Мое внимание привлекли две небольшие куколки, стоявшие рядом. Одна изображала японку, одетую в кимоно, а вот другая…

Мастерски расписанная кукла была очень похожа на Дарью Александровну, у меня возникло ощущение, что она смотрит на меня, будто живая, и даже хочет что-то сказать. Хозяин магазина, худой словоохотливый еврей лет сорока, увидев мою заинтересованность, подошел поближе.

– Хозяин, а что за барышни у вас на полке?

– Таки господин офицер увидел что-то интересное? Это моя дочка этим искусством занимается, когда у нее есть время. – У продавца помимо дежурной улыбки на лице в глазах проскользнула гордость за своего ребенка. – Упросила меня привезти ей дюжину кукол и краски, чтобы их раскрашивать. Платья сама сшила, теперь на полку поставила, говорит, что их обязательно купят. Я таки не совсем верю в этот гешефт, но пусть моя Соня попробует, вдруг у нее и получится их всех продать.

– Ну насчет всех я не знаю, но пару кукол я бы купил, только есть у меня одно условие. Могу я с вашей дочкой поговорить?

– Если она не убежала неизвестно куда со своими подружками, дай им бог здоровья, то таки я ее сейчас позову. Пусть господин офицер подождет две минутки. – Он скрылся за занавеской, отделяющей магазин от жилой части дома, и через минуту вышел обратно с девчушкой лет двенадцати, смущенно комкавшей в руках передник.

– Соня, будь таки воспитанной девочкой, поздоровайся с господином офицером. Я не знаю почему, но ему вдруг понравились твои куклы и он хочет купить цельных две штуки.

Юная «кутюрье» Соня засмущалась, но потом справилась с собой и, глядя на меня, спросила:

– Какие куклы господин офицер хотел бы купить?

– Вот эту японку и куклу справа от нее в сером платье, только у меня есть условие: надо поменять у кукол костюмы. Вместо серого платья нужно сшить костюм сестры милосердия, передничек с крестиком, косыночку, а для японки я костюм сам нарисую и завтра принесу. Сможешь сделать такое?

Хозяин лавки понимающе улыбнулся:

– Таки господин офицер, конечно же, знает, что работа на заказ будет стоить дороже?

– И сколько запросишь, художница?

– Папа мне сказал, что если я не продам их по пять рублей, он больше не будет меня слушать… – выпалила она и осеклась, прикрыв рот ладошкой, – …и чтобы я взяла аванс в два рубля…

Хозяин лавки хотел что-то сказать, но я только улыбнулся:

– Хорошо, договорились.

Ну, не буду я торговаться с ребенком. Это же – как амулет «на счастье». Такое не торгуется и не продается.

Еще раз объяснил юной художнице, что именно я хочу увидеть на кукле, и договорился принести завтра утром рисунок с костюмом для японки. Девочка с очень серьезным лицом обещала сделать все необходимое за два дня. Как же, первый, наверное, заказ и первый клиент. Да и сильно подозреваю, что последний. Кому это сейчас нужно? Кроме меня…

Глава 6

Оказалось, что нужно. На следующий день я отнес в лавочку рисунок с костюмом самурая, сделанным по памяти, и объяснил, что к чему в нем. Маленькая модельерша разобралась во всех хитростях и пообещала сделать все очень быстро. Но когда через несколько дней я зашел за куклами, хозяин начал бормотать что-то невразумительное и оправдываться, путая русские слова с родными так, что я не сразу даже понял, что именно он хотел сказать и за что извиняется:

– Таки, господин офицер, бедный Аарон всю свою жизнь работал на этот магазин вот этими руками и вот этой спиной. Вы можете мне не верить, можете сказать, что Аарон вас обманул, что ему нельзя заниматься торговлей, а нужно идти и мести мусор на улицах, так от него будет хоть какой-то толк, но, господин офицер, это произошло только по невероятной случайности, я должен был уйти по делам, хотя лучше бы совсем не имел никаких дел, лишь бы не расстраивать господина офицера… Но когда меня не было в магазине, моя Соня поставила одну куклу, что вы заказали, на прилавок и села рядом доделывать вторую. В это время к нам в магазин зашла дама, я часто оставляю свою Соню в магазине, когда мне надо уйти по делам, и ни разу не думал, что ошибаюсь, делая это, но в этот раз я таки зря ушел из магазина. Даме очень понравилась кукла в костюме сестры милосердия, и моя Соня не смогла ей отказать и продала почти что вашу куклу этой даме, хотя вы, господин офицер, и не давали аванса за две куклы, а только за одну, вот Соня и не смогла отказать той даме…

Короче, как я понял, какая-то мадам купила куклу-медсестричку. Наверное, в подарок дочке, сейчас патриотические игрушки в моде… М-да, не срослось… Мне же осталась японка, точнее – японец, одетый в самурайское облачение.

Уже в госпитале вечером я стал доводить до ума маленького самурая – изменил прическу и прикрепил к поясу два меча, сделанных из полосок жести и бумаги. Получился молодой самурай, серьезно глядящий перед собой. Вот и подарю я этого самурая Дарье Александровне, когда будет подходящий случай. Будет у нее свой маленький личный защитник. А «медсестричку» хотел на память оставить себе, да, видно, – не судьба.

Со следующего утра потекли трудовые, в смысле, физкультурно-оздоровительные будни. Начал утреннюю пробежку с небольшой дистанции – два раза вокруг госпиталя, потом разминка в виде тай-цзи-цуань и немного силовухи, на следующий день стал давать нагрузку и вспоминать свои занятия по рукопашке из той жизни. Заниматься в одиночку – то еще удовольствие, но пока что ставил своему новому телу механику движений, тренировал перекаты, кувырки, «домики» и «рамки». В госпитале появилось новое, но очень интересное развлечение – смотреть из окон, как контуженый «вашбродь» физкультурой занимается да по остаткам соломы во дворе катается кувырком. Пару раз приходил и наблюдал за моим ненормальным поведением Михаил Николаевич. Когда он вновь объявился на третий день, я приготовился спорить с ним по поводу полезности занятий, но в этот раз разговор зашел совсем о другом.

– Денис Анатольевич, если вы не заняты сегодня вечером, приходите на маленькие посиделки. Дело в том, что у нас в госпитале традиция – устраивать раз в две недели вечерние чаепития. Там будут все свободные от дежурства, а также приглашенные офицеры из числа выздоравливающих. Вы приглашены нашим единогласным решением, хотя всем уже доказали, что контузия просто так не проходит, только на ноги встали, и начались чудачества. То бежите, как на пожар, то кувыркаетесь, как в цирке, то руками-ногами машете во все стороны, как мельница, – Михаил Николаевич все-таки не удержался от «шпильки», – я уже и сам склонен так думать, одна только Дарья Александровна вас защищает…

Мысль о том, что Дарья Александровна обо мне говорит и даже перед кем-то защищает, обдала все тело горячей волной, я поспешил перевести разговор на другую тему:

– Михаил Николаевич, благодарю за приглашение… Но вы же сами понимаете, прийти с пустыми руками – неприлично. Посоветуйте, как быть.

– Молодой человек, вам уже сколько лет, а все еще не знаете, что барышни любят цветы и сладкое. Цветы отпадают по причине февраля, а в остальном – выбор вышеозначенного за вами.

– Доктор, спасибо за совет, кто еще будет?

– Будут ваши соседи по палате – поручик Дольский и капитан Бойко. На сегодня вы втроем – единственные выздоравливающие офицеры в госпитале.

Вчера ко мне в палату подселили двоих легкораненых – поручика Анатоля Дольского, кавалериста, поймавшего пулю в плечо во время атаки, и капитана Валерия Антоновича Бойко, какого-то штабного офицера с наполовину отстреленным ухом. Ранение он получил, с его слов, когда сопровождал полкового командира по второй линии окопов.

– Спасибо, Михаил Николаевич. Когда являться?

– Да вот к шести часам вечера и ждем-с. Ваши соседи уже в город собрались, составьте им компанию.

Когда я прибежал в палату, там уже никого не было, так что в город пришлось двигаться в грустном одиночестве. По пути размышлял, что бы такого купить и как сделать так, чтобы Дольский с Бойко не купили то же самое. Вдруг меня осенила гениальная мысль – как совместить цветы и сладкое. Прошлый раз, когда был в магазине у Аарона, краем глаза заметил букет цветов, сделанный из разноцветной папиросной бумаги. По-моему, его Соня не только куклами занимается, она вообще мастерица на все руки. Летим туда спрашивать цветы, заодно и поинтересуемся, где можно найти приличные шоколадные конфеты.

В магазине было шумно и… малолюдно. Весь шум создавался какой-то теткой с явно выраженной семитской наружностью, но одетой достаточно богато. Аарон на своем языке расхваливал свой товар, тетка явно сомневалась, судя по интонациям, и в его качестве, и в честности хозяина. Соня в это время суматошно рылась под прилавком. Увидев меня, Аарон, не переставая уговаривать клиентку, сделал мне такие жалобные глаза, что я невольно улыбнулся – артист, да и только. Соня наконец-то нашла нужную коробку, достала оттуда какую-то разноцветную жестянку и протянула отцу. Тот передал ее тетке, которая повертела ее в руках, затем, недовольно бурча, убрала ее в

ридикюль и взамен достала кошелек. Рассчитавшись, она быстро вышла на улицу.

– Добрый день, господин офицер. Бедный Аарон очень рад, что вы таки не забыли дороги в наш магазин после того, что случилось с куклой. Мы с Соней вспоминали вас, боялись, что вы обиделись за тот случай. Но я тогда еще сказал Соне: «Господин офицер – добрый человек, он не будет обижаться на бедного коммерсанта и его дочь из-за случайности, пусть даже и неприятной». Я еще сказал Соне: «Ты еще увидишь, господин офицер придет к нам, потому что у нас хороший магазин и не такие высокие цены, как у других…»

– И вам доброго дня, хозяева, – перебиваю словесный поток. – Мне нужна ваша помощь. В прошлый раз я видел в магазине бумажные цветы…

– Мы всегда рады помочь господину офицеру. А у господина офицера хорошее зрение и хороший вкус, если он заметил то, что делает моя Соня. Ей эти цветы заказывают многие уважаемые люди, которые имеют свои кафе и ресторации, для того, чтобы украсить столы зимой вместо настоящих цветов. И только моя Соня умеет делать такие красивые, как настоящие, цветы…

– Хозяин, подождите, можно я поговорю с вашей дочерью? Соня, скажи, пожалуйста, есть у тебя сейчас готовые цветы? Такие, как те розы, что я видел прошлый раз? Мне нужно девять штук.

– Да, господин офицер, я только вчера закончила два десятка. Сейчас я их принесу, и вы сможете выбрать, какие понравятся, – и она умчалась за занавеску.

Подманиваю тем временем Аарона и спрашиваю:

– А где можно купить шоколадные конфеты?

– Господину офицеру понравилась дама, и он таки решил угостить ее шоколадом? – Мой собеседник хитро и понимающе улыбается.

– Не даму, а дам. Меня в госпитале пригласили на чаепитие, а идти с пустыми руками неудобно.

– Господин офицер – очень умный человек, он знает, к кому обратиться, чтобы решить нужный вопрос. – Аарон еще шире расцветает улыбкой, затем откидывает занавеску:

– Соня, иди сюда быстрей! Неси цветы господину офицеру и, пока он будет выбирать, найди еще одну упаковку того чая, который ты никак не могла найти Риве Изельблюм!

Соня выскакивает с охапкой красных роз, рассыпает их по прилавку, чтобы удобнее было выбирать, и снова возится под прилавком. Через две минуты наконец достает еще одну жестянку и ставит передо мной.

– Господин офицер, Аарон готов ручаться вам чем угодно, кроме здоровья моей Сони, что такого чая вы еще не пробовали…

– Хорошо, хозяин, с цветами мы решили, чай я возьму. А что скажете за шоколадные конфеты?

– Господин офицер может быть абсолютно спокоен, Аарон знает ответ и за шоколадные конфеты. Сейчас Соня наденет свое пальто и проводит вас до кондитерской старого Лейбы Когана. У него таки есть то, что надо господину офицеру. И Лейба Коган никогда не держит плохой товар. А моя Соня скажет Лейбе, что господин офицер – уважаемый человек, и Лейба сделает маленькую скидку с обычной цены…

Спустя пару минут мы идем в «замечательную» кондитерскую Лейбы Когана. Конфет там был достаточно большой ассортимент, так что я даже призадумался, что брать. Пока я раздумывал, кондитер, старый еврей с небольшим брюшком и гораздо большей лысиной, и Соня обменялись несколькими фразами на идише, потом он подходит ко мне и достает из-под прилавка небольшую коробочку. Открыв ее, он показывает лежащую внутри дюжину конфет, обернутых золотистой фольгой.

– Если господину офицеру нужны действительно вкусные конфеты, то это – они. Это вам советует старый Лейба, а он знает толк в конфетах. Соня мне сказала, что господин офицер – постоянный клиент Аарона, поэтому я не буду говорить господину офицеру за большие деньги, я буду говорить цену как для постоянных клиентов. Эти конфеты будут стоить вам почти даром, всего

восемьдесят четыре копейки.

– Я хочу попробовать одну штучку, а то вдруг они не понравятся.

– Конечно, господин офицер. Если вы не верите тому, что говорит весь город, а весь город говорит, что у Лейбы Когана самые вкусные торты, пирожные и конфеты во всем уезде, то попробуйте и вы убедитесь, что люди таки говорят правду.

Конфета действительно оказалась и свежей, и очень вкусной. Что-то очень похожее на современные трюфели, то есть на трюфели из моего очень далекого будущего.

Расплачиваюсь с кондитером, и мы идем обратно. По дороге спрашиваю Соню:

– Ты сможешь в серединку каждой розы вставить конфету, чтобы не было заметно?

Она смотрит на меня удивленно и отвечает:

– Да, смогу, это будет легко… А господин офицер очень интересно придумал за сюрприз. Наверное, дамам очень понравится… А господин офицер позволит пользоваться его придумкой?

– Как будто, если я запрещу, ты не будешь этого делать. Дарю идею…

В магазине, пока я торговался с Аароном, Соня успевает вставить конфеты во все розы и теперь протягивает мне бумажный пакет с чаем и букетом.

– Может, господин офицер возьмет еще две розы? А то в коробке остались две конфеты…

Было видно, как ей до смерти хотелось попробовать вкусняшку, но и поступить нечестно она не решилась.

– Эти две конфеты можешь взять себе в награду за хорошую работу.

Господи, как мало нужно ребенку для счастья. Две маленькие конфетки, и в результате – сияющие глаза, улыбка до ушей, еще немного – и лопнет от радости.

Глава 7

На посиделки я успел вовремя, но после Дольского и Бойко. Когда вошел, они уже сидели и воспроизводили на два голоса фронтовой треп для «сестричек». На столе стояли самовар, чайный сервиз и большой торт.

– А вот и наш прапорщик, – замечает меня Бойко, – подсаживайтесь к нам, Денис Анатольевич, расскажите что-нибудь интересное и героическое из своей службы.

– Ну, Валерий Антонович, что может быть героического в окопной войне? Простые фронтовые будни.

– Прибедняетесь, прапорщик. А розы так и будете в руках держать или нашим дамам подарите?

Обхожу по кругу всех «сестричек», вручаю каждой по цветку. На их лицах написано легкое недоумение, типа, а зачем нам бумажный цветок, но потом одна из них, разглаживая лепестки, натыкается на конфету, удивленно ойкает и достает из бутона золотистый шарик. Остальные немедленно следуют ее примеру. Один цветок так и остается в моих руках – Дарьи Александровны здесь нет…

Тоскливо ноет в груди… Не пришла. Наверное, на дежурстве…

– Дарья Александровна скоро придет. Она ассистировала мне на операции, а после пошла привести себя в порядок, – тихонько говорит подошедший сзади Михаил Николаевич, затем усмехается в ответ на мой недоуменный взгляд и добавляет: – Ваш вопрос написан на вашем лице, Денис Анатольевич. Подождите немного.

Очнувшись, достаю коробку с чаем и протягиваю ему.

– Это вам, доктор…

Все уже сидят за столом и начинают разливать чай. Дольский с большим кухонным ножом нависает над тортом… Дверь с легким скрипом распахивается, и в комнату вбегает чуть запыхавшаяся Дарья Александровна:

– Извините, пожалуйста, за опоздание!

Я встаю, чуть не опрокинув стул, делаю несколько шагов к ней (дьявол, а ноги деревянные и почти не слушаются), протягиваю розу и почему-то внезапно охрипшим голосом произношу:

– Это вам, Дарья Александровна…

Она берет цветок и в этот момент нечаянно прикасается к моей руке… Как током прошибло!..

– Даша, загляни в серединку, – слышится веселый совет из-за стола.

Она разворачивает бутон и видит конфету.

– Боже мой, я такие ела последний раз на выпускном! Спасибо, Денис Анатольевич, мне очень-очень приятно!

– Кажется, наш прапорщик еще одну контузию получил! – это уже голос Дольского. Я разворачиваюсь, чтобы ответить что-нибудь резкое, но получаю еще одну «контузию», уже третью, – Дарья Александровна берет меня под руку и шепчет:

– Пойдемте пить чай…

Разговоры за столом ведутся в основном на повседневно-военную тему. Бойко, как штабной офицер, делится общей информацией о положении на фронтах.

Анатоль Дольский, будучи истинным кавалеристом, уже вовсю атакует словами и взглядами сидящую рядом с ним «сестричку», кажется, Катю. По его словам, если бы не высокое начальство, он бы со своим эскадроном эту войну давно бы выиграл и поил бы сейчас своего коня из Шпрее. Ну, прям, по Филатову, типа: «Мне бы шашку, да коня – да на линию огня!»[4 - Строка из сказки Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца».] Если бы все было так просто…

– Денис Анатольевич, а вы как считаете, хорошо мы воевать умеем? – это он уже мне хитрый вопросик подкидывает.

– Мы, Анатолий Иванович, воевать-то умеем, но не так хорошо, как могли бы. А еще умеем геройствовать и этим геройством хорошо умеем хвастаться. – Я предостерегающе поднимаю руку, чтобы вскинувшийся Дольский дал мне договорить. – Я не в том смысле, что позволяю усомниться в вашей храбрости, да и многих других тоже… Вы спросили мое мнение – я его высказываю: героизм – это способность забыть себя для блага Родины, способность принести жизнь в жертву ради возвышенной цели. Вспомните слова: «Положим живот за други своя. А мертвые сраму не имут!». Однако у нас часто бывает, что героизм одного – это действия в ситуации, созданной незнанием, ленью, разгильдяйством или даже предательством других. Если каждый будет исполнять свой долг на совесть, то вышеупомянутые случаи просто перестанут иметь место. Вот это, мне кажется, и называется умением воевать.

– Но, позвольте, а откуда вам знать, как воевать по-другому? Этого даже в Генштабе не знают. – Дольский холодным, презрительным тоном пытается доказать мне мою несостоятельность в военных вопросах. Не могу сдержаться и пытаюсь перефразировать анекдот из далекого будущего:

– «Господин поручик, в чем, по-вашему, заключается долг российского военного? – Умереть за веру, царя и Отечество! – А я думаю, что долг заключается в том, чтобы германцы умерли за свою веру, своего кайзера и свое Отечество…»

– Анатоль, довольно, – это уже произносит Бойко, обращаясь к поручику.

– Если позволите, еще несколько строк о героизме… – подкрепляю свою мысль:

…Всякому хочется жить. Но бывает, поверь,

Жизнь отдают, изумиться забыв дешевизне.

В безднах души просыпается зверь. Тёмный убийца.

И помысла нету о жизни…

Гибель стояла в бою у тебя за плечом…

Ты не боялся её… И судьбу не просил ни о чём…[5 - Стихи Марии Семеновой.]

За столом воцарилось молчание, потом кто-то из «сестричек» вздыхает:

– Красивые стихи… И страшные… Как мороз по коже…

– Денис Анатольевич, а вы хорошо держите удар, – теперь уже дружелюбно обращается Дольский ко мне, – с вами можно будет иметь дело.

– А в чем же оно будет заключаться?

– Ну, скорее всего, в том, чтобы как можно быстрее одолеть супостата, – включается в разговор капитан, – но давайте лучше поговорим об этом завтра, а то дамы заскучали от наших разговоров.

– Да, дамы заскучали и хотят веселиться, – это проявляется давешняя Катя, – поручик, расскажите еще что-нибудь смешное…

– Недавно наш батальонный вестового проучил за то, что тот в сарае дрых безбожно средь бела дня. Позвал денщика, тот ведро с водой на дверь сверху поставил, чтобы оно упало, когда дверь откроется. Батальонный как закричит: «Пронькин, собачий сын! Ко мне бегом!» Вестовой спросонья плечом – в дверь, а на него сверху – вода. Сразу проснулся, – завел Дольский очередную байку…

Я смотрю на Дарью Александровну и встречаюсь с ее смеющимися глазами.

– Гусар, – одними губами, чтобы никто не услышал, шепчет она и комично разводит руками, мол, что с него возьмешь. Тут уже я не выдерживаю и улыбаюсь.

Один из врачей-ординаторов выходит и вскоре возвращается с гитарой в руках.

– Давайте устроим небольшой концерт! К участию приглашаются все, умеющие играть и петь.

Медсестрички оживляются:

– Олег Сергеевич, спойте! Просим, просим!

– Пожалуйста, «Гори, гори, моя звезда»!

– Нет, нет! Лучше «В лунном сиянии»! А мы будем вам подпевать!

Доктор-певун откашливается, приосанивается и довольно приятным голосом исполняет требуемое. После чего просит антракт на пару глотков чаю и папиросу.

– Денис Анатольевич, будьте так любезны, передайте инструмент. – Дольский, видимо, решает показать себя со всех лучших сторон. Поднимаюсь, беру гитару в руки, и тут пальцы сами пробегают по струнам, проверяя строй… Будучи курсантом, все мы немного поигрывали на гитаре, но сейчас в руках у меня… семиструнка! Это что же, мне вот такое «наследство» привалило? Ну-ну…

– Вы тоже играете? – Анатоль замечает мои телодвижения.

– Одна дама, когда ее спросили: «Играете ли вы на рояле?», ответила: «Не знаю, я еще ни разу не пробовала!» Держите, Анатолий Иванович.

Дольского хватает на два цыганских романса и «Белую акацию», причем на мотив какой-то революционной песни. Типа «Смело мы в бой пойдем». Закончив, он протягивает гитару мне:

– Сыграйте что-нибудь, Денис Анатольевич!

Ну и что мне вам сыграть? Битловскую «She loves you» или «Поворот» Макаревича? Ха-ха три раза… Хотя есть идея!.. Этот марш очень люблю, аж до мурашек по коже. И написан он в 1912-м, сам интересовался. Только слова – из будущего, ну да будем надеяться, прокатит.

– Эта песня написана три года назад, но уже обрела популярность. Называется она «Прощание славянки».

Наступает минута прощания,

Ты глядишь мне тревожно в глаза,

И ловлю я родное дыхание,

А вдали уже дышит гроза.

Дрогнул воздух туманный и синий,

И тревога коснулась висков,

И зовет нас на подвиг Россия,

Веет ветром от шага полков…

В комнате становится тише, присутствующие внимательно слушают…

…Прощай, отчий край,

Ты нас вспоминай,

Прощай, милый взгляд,

Прости – прощай, прости – прощай…

– Я слышал эту песню, но слова были другие, – подключается к разговору Валерий Антонович. – А эти откуда? Кто автор, не знаете?

– Эти слова разучивали в школе прапорщиков, когда учился, автора назвать, к сожалению, не могу.

– Господа, хватит о грустном! Поручик, развеселите нас, расскажите что-нибудь еще смешное… – просит Катя.

Компания разделяется. Три сестрички постарше и фельдшер ведут между собой неторопливый разговор, скорее всего, о семьях и о том, что сейчас творится в тылу. Молодые девушки смеются от фраз Дольского, который уже в ударе и вне конкуренции по части смешных историй и шуток, Михаил Николаевич с

капитаном и врачом дымят папиросами возле открытой форточки и неспешно беседуют.

А я сижу рядом с Дарьей Александровной, смотрю на нее и не могу оторваться… Вот как понять женскую красоту? Изобретаем себе эталоны красоты, начиная от Венеры Милосской и вплоть до Барби-гёрлз, спорим, что красиво, а что нет. А тут смотришь на НЕЕ и не можешь отвести глаз, хочется смотреть и смотреть бесконечно, и не надо ни с кем сравнивать – так ОНА завораживающе красива сама по себе…

Я помимо этого еще что-то ей говорю, какую-то смешную ерунду, наверное, потому, что она смеётся и краснеет от моего взгляда… Но потом время, отведенное Судьбой для счастья, заканчивается. Доктор, оторвавшись от беседы, подзывает Дарью Александровну:

– Голубушка, будьте любезны, сходите, посмотрите нашего оперированного, как он там. По времени должен уже выходить из наркоза. Там «сиделец» дежурит, но мне спокойней будет, если вы посмотрите.

– Конечно, Михаил Николаевич, я уже иду.

– А чтобы вам не страшно было темными коридорами идти, Денис Анатольевич вас проводит, тем более, ему таблетки принимать пора.

– Да, доктор. – Я поднимаюсь, и мы выходим в коридор.

Выполнив все задания, в том числе дав распоряжения дежурившему санитару и накормив меня таблетками, Дарья Александровна мягко прощается:

– День был трудный, устала, пойду отдыхать. Спасибо вам, Денис Анатольевич, за приятный вечер…

– Дарья Александровна… Вы завтра не дежурите?.. Хочу пригласить вас прогуляться после обеда по городу… (И, будь что будет!!!) И познакомить вас с одним героем…

Она с интересом смотрит на меня.

– Вы меня заинтриговали! Кто он?

– Могу рассказывать о нем только в его присутствии, единственное, что скажу сейчас – он молод, честен, храбр, верен клятве и очень хорошо владеет холодным оружием.

– Вы жестокий, я же теперь умру от любопытства… Хорошо, заходите за мной завтра в четыре часа, а сейчас – спокойной ночи.

– Спокойной ночи, хороших снов…

Смотрю, как она исчезает за дверью своей комнаты, возвращаюсь к остальной компании и тут же ловлю на себе взгляд доктора и его одобрительный кивок.

– Денис Анатольевич, присоединитесь к нам, уважьте стариков, – он показывает на стул рядом с Бойко.

– Какой же вы старик, Михаил Николаевич?

– Да уж к молодежи я себя отнести уже не могу. Мы тут с Валерием Антоновичем говорили о вас, молодых, о вашей судьбе на войне и после войны…

– До конца войны дожить еще надо.

– Вот поэтому, – включается в разговор Бойко, – я и хотел бы с вами побеседовать, Денис Анатольевич, но не сейчас, сегодня настроение не то, а завтра вечером, если, конечно, вы свободны.

– Завтра после обеда я, к сожалению, буду занят. – Ловлю быстрый взгляд из-под бровей доктора. – А утром – к вашим услугам. После физкультуры.

– Да, а на эту вашу «физкультуру» можно будет взглянуть?

– Конечно, приходите, тут секретов никаких нет…

А какие есть, того вы все равно не поймете… А я рассказывать не буду. Вот так…

Глава 8

Я как раз закончил разминку «по-китайски» и теперь отрабатывал базовые движения под любопытным взглядом капитана Бойко, который сидел на скамейке и наблюдал бесплатное шоу. Когда закончил и отдышался, он помахал рукой, приглашая присесть рядом.

– Имею честь еще раз представиться: капитан Бойко Валерий Антонович, офицер разведотдела штаба Второй армии. Приношу свои извинения за вчерашние пререкания, и не обижайтесь на Анатоля, это я его попросил расшевелить вас немного.

– Позвольте узнать, Валерий Антонович, с какой целью? Скучно стало лежать в госпитале?

– Не ершитесь, Денис Анатольевич, просто мне показалось, что вы – подходящий для нас человек. Я должен был проверить вас, так сказать, на разрыв, кручение и сжатие.

– Хотите предложить мне профессию шпиона?

– Нет, не шпиона, а офицера разведки. Поймите, наша служба была создана всего лишь в тысяча девятьсот седьмом году, до самого начала войны существовала только на бумаге, и то – в зачаточном состоянии. На всю армию – десять офицеров, а работать надо не только по своему направлению, но и контрразведчикам помогать, вот и решили с Анатолем вас прощупать. Вы думаете, только на передовой бои идут?.. Вот вам позавчерашний пример: штаб посылает курьера в корпус с секретным пакетом-приказом о передислокации, а на него нападают из засады уже через несколько верст.

– Это ведь может быть и случайностью.

– Нет, ждали именно его. Благо, мне нужно было в тот же корпус по своим делам, вот и поехали втроем на авто.

– С Анатолем?

– Да, Анатолий Иванович служит вместе со мной. Они не ожидали, что нас будет трое, шофера застрелили, курьера ранили, только мы им в ответ из трех револьверов дали огоньку. В общем, трое убиты, двоих допрашивают. Они уже признались, что знали где, когда и какой автомобиль ждать.

– А кто это был?

– Трое из немцев, бывавших здесь до войны, и один – обер-лейтенант, к сожалению – мертвый, поэтому и не можем узнать, как они сведения о курьере получили. Вы понимаете?! В двадцати верстах от линии фронта германцы свободно передвигаются и творят, что хотят! А нас – только десять на всю армию. Поэтому мы и ищем толковых офицеров, которые согласны нам помогать.

– А чем вам может помочь простой пехотный прапорщик, как вы любите говорить, – из шпаков?

– В ваших рассуждениях, судя по вчерашнему вечеру, нет шапкозакидательства и ура-патриотизма, зато наличествует здравый смысл и попытка разложить всё по полочкам. Вы, как мне кажется, можете трезво и хладнокровно решать достаточно сложные логические задачи.

– Благодарю за комплимент. Валерий Антонович, сколько у меня есть времени на раздумье?

– Столько, сколько потребуется для вашего выздоровления, хотя мне кажется, что вы уже приняли наше предложение. Но ответ дадите после выписки из госпиталя. Я договорюсь с Михаилом Николаевичем, чтобы вам дали возможность связаться с нами…

Вернувшись в палату и завалившись на койку, стал размышлять о том сюрпризе, который мне сегодня подкинула Судьба.

Оставаться в пехотной роте младшим офицером, сидеть без всякой пользы в окопах или бежать в атаку на пулеметы – смысла немного. Не то, чтобы я этого боюсь, просто хотелось бы в этой войне достичь большего, чем похабный Брест-

Литовский мирный договор. И для этого есть шанс, правда, очень-очень маленький.

Только вот в чем будет заключаться моя работа? Что такое разведка в начале двадцатого века? Агентурная разведка – это не по мне, да и толку сейчас от нее. А вот прифронтовая разведка – это уже вкуснее. Сейчас, насколько знаю, из разведопераций – только языков, наверное, берут, да изредка рейды по тылам устраивают.

Для человека, хотя бы немного знающего о действиях партизан Великой Отечественной войны и спецназа, – непаханое поле деятельности. Если разрешат, конечно, это поле пахать. А вот на эту тему мы завтра и поговорим с господином капитаном… А на сегодня у меня есть более важное дело – прогулка в город! С Дарьей Александровной!

Вдвоем!..

Глава 9

Я стоял и ждал Дарью Александровну у входа в корпус. Еще днем она попросила меня быть именно здесь. Якобы для того, чтобы не наводить переполох в женской жилой половине, хотя в отсутствии вышеупомянутого переполоха я очень сомневался. Похоже, на той территории сейчас все были озабочены именно этим событием. Это проявлялось во взглядах, якобы незаметных из-за занавесок, в хихиканье двух «сестричек», пропорхнувших мимо меня внутрь. Даже в том, что «дядьки» – санитары, дымившие невдалеке своими самокрутками, – понимающе усмехались в усы, с некоторым одобрением глядя на меня.

Я был уверен, что выгляжу нормально, с формой все в порядке, даром, что ли, упросил прачку отгладить китель и шаровары, сам, как солдат-первогодок, наяривал щеткой сапоги, пока они не стали напоминать зеркало. Очень тщательно побрился, хотя опасной бритвой до сих пор пользуюсь ну очень аккуратно, это вам не одноразовый «Жиллетт»… В общем, стоял и ждал, делал вид, что наслаждаюсь свежим весенним воздухом и плывущими по небу облачками, изредка набегавшими на солнышко.

То, что в четыре часа ОНА не выйдет, я и не сомневался. По понятиям этого времени пунктуальность на свидании – это прерогатива кавалеров. Для дам же – наоборот, моветон. Вот прохаживался и думал, насколько чувство «отсутствия пунктуальности» затянется – на пятнадцать минут, или же дотянется до получаса…

И как бы я ни готовился, Дарья Александровна вышла неожиданно. Хотя «вышла» – не то слово. Соизволила явить себя народу. В единственном числе – в моем. Народ обалдел, восхитился, шагнул навстречу, помог спуститься с крыльца, поцеловал руку, пахнущую какими-то вкусными духами, чем вогнал обладательницу руки в смущение и легкий румянец…

– Я не долго заставила себя ждать, Денис Анатольевич?

Какой коварный и провокационный вопрос! Даже и не знаю, что на него ответить…

– Нет, что вы, Дарья Александровна! Я готов ждать вас до самой своей смерти, – вытягиваюсь во фрунт и щелкаю каблуками. – Но сильно подозреваю, что вы мне не поверите, и придется помереть в грустном одиночестве.

– Нет, я вас пока в одиночестве не оставлю. Вы обещали интересное знакомство, и я до сих пор сгораю от любопытства.

– Потерпите еще немного, я знаю одно неплохое местечко, где вы и сможете увидеть таинственного незнакомца. Если не возражаете… – С этими словами беру ее руку, кладу себе на сгиб локтя, и мы направляемся к выходу в город…

Идем не торопясь по деревянным тротуарам, обходя подтаявшие сугробы. Город медленно просыпается от зимней спячки. Звонко стучит капель с крыш, в садах почерневшие яблони тянут свои руки-ветви в голубое небо, выпрашивая тепла и обещая хороший урожай… Несмотря на весеннюю погоду, моя спутница немного продрогла.

– Дарья Александровна, хочу предложить вам зайти вот в это заведение, – с этими словами я указываю на кондитерскую Когана, – это, конечно, не «Кюба» и не «Метрополь», но мне кажется, мы сможем найти там что-нибудь вкусное.

Тем более, именно там я выполню свое обещание – познакомлю вас с таинственным героем.

– Давайте зайдем, тем более там, кажется, можно попробовать кофе.

– Вы любите кофе?

– Да, я его просто обожаю и стараюсь попробовать все виды. Даже в госпитале частенько с подругами его варим, и каждая старается изобрести свой рецепт.

– Тогда заходим и вытряхиваем из владельца все его рецепты, чтобы вы были вне конкуренции. – Открываю дверь и пропускаю Дарью Александровну внутрь. Навстречу нам уже спешит хозяин.

– Здравствуйте, уважаемый. Зашли к вам немного погреться и чем-нибудь полакомиться. Надеюсь, вы нам позволите и первое и второе?

– Здравствуйте, мадемуазель, здравствуйте, господин офицер! Вы таки не представляете, как старый Лейба рад видеть у себя в заведении благородных и достойных людей! Проходите, пожалуйста, вот за этот столик, сейчас буду вас угощать!

Мы ненадолго задерживаемся у гардероба, я помогаю Даше (с некоторых пор я стал мысленно ее называть так) снять серебристую каракулевую шубку и остолбеневаю!.. Сказать, что она красива – значит не сказать ничего!.. Белая атласная блузка с пышными кружевами, темно-синий жакет и такая же юбка – все это вкупе с ее медно-рыжими волосами, убранными в замысловатую прическу, моментально вогнало меня в ступор. А лицо!.. А глаза!.. От моего немого изумления она слегка краснеет, но в лукавом взгляде такие чертики пляшут!!!

– Дарья Александровна! Вы… настолько восхитительны, что… Я даже не знаю, какими словами можно выразить… – тут я окончательно путаюсь в великом и могучем русском языке.

– Пойдемте, нас уже хозяин ждет, – довольно улыбаясь, она с истинно кошачьей грацией направляется к столику возле «голландки», источающей мягкое тепло.

Оставив шинель с шашкой в гардеробе, застегиваю ремень с кобурой, оправляю китель и присоединяюсь к ней. Кондитер уже стоит возле столика.

– Чем вы нас угостите, уважаемый?

– Для такой прекрасной дамы, как ваша спутница, старый Лейба может порекомендовать только самые изысканные угощения! – Заметно, что и он потрясен Дашиной красотой. – Я осмелюсь предложить вам свежайшие эклеры, приготовленные за полчаса до вашего прихода, есть также пирожные «Мадлен» и «Макарон». Если пожелаете, можете обратить свое внимание на очень вкусные трюфели, и, конечно же, я сварю вам кофе по своему фирменному рецепту! Такой кофе, как варит старый Лейба, не варит никто! Я делаю это вот уже тридцать лет, и за это время ни один человек не сказал, что мой кофе ему не понравился! Подождите несколько минут, и вы в этом сами убедитесь! – с этими словами он понесся со всей возможной для него скоростью за буфетную стойку.

– Денис Анатольевич, признайтесь, вы меня разыграли. Обещали мне знакомство с таинственным героем, а кондитерская пуста, кроме нас здесь никого нет.

– Это знакомство сейчас произойдет, только прошу, закройте глаза и не открывайте, пока не скажу.

– Хорошо, я закрою глаза, но не обещаю, что не буду подглядывать…

Я с таинственным видом достаю из кармана фигурку маленького самурая, поправляю на нем мечи и ставлю на стол перед Дашей.

– Все, можете открыть глаза, Дарья Александровна!

Самые красивые глаза в мире открываются, видят куколку и распахиваются еще шире в восхищении:

– Боже, какой красивый! Это кто – японец? Какая прелесть!

– Знакомьтесь, отныне это – ваш преданный слуга и защитник, японский самурай, которого зовут… Денио Гуро. Отныне его жизнь принадлежит вам и единственная задача в этом мире – защитить вас от любой опасности и

неприятности, какими бы они не были. Сейчас он принесет клятву верности, и освободить его от этой клятвы сможете только вы или смерть. Ты клянешься, Денио Гуро, защищать госпожу, не щадя своей жизни?

Наклоняю куклу в почти традиционном японском поклоне и отвечаю за нее: «Хай!»

Даша медленно берет фигурку в руки и смотрит на меня каким-то новым, глубоким, серьезным взглядом.

– Денио Гуро… А почему самурай? Они лучшие воины, чем наши богатыри, например?

– Нет, самураи, как и богатыри, были кастой профессиональных военных. В наше время их бы назвали нетитулованными или служилыми дворянами. Они с детства воспитывались как воины, готовые умереть в любой момент. Самурай скорее сделал бы сеппуку, чем нарушил свою клятву или кодекс Буси-до, в котором, кстати, сказано: «Если самурай стоит перед выбором: жить или умереть, то он должен выбрать смерть».

– У каждой клятвы есть две стороны. Я тоже клянусь, что буду любить и оберегать тебя, мой отважный рыцарь! – Даша обращается к кукольному самураю, затем задает вопрос мне. – А что такое «сеппуку»?

Видя, что к нашему столику уже спешит Лейба с подносом, на котором «дымится» небольшой кофейник и стоят две маленькие чашечки, я вынужден поторопиться с ответом:

– Сеппуку – это особая форма ритуального самоубийства… Подробнее могу рассказать на обратном пути. А сейчас мы будем пробовать самый лучший в мире кофе самого лучшего в мире кондитера…

– Я таки вижу, что вы не успели даже соскучиться, как я успел сварить кофе. – Кондитер аккуратно расставил на столе чашечки с блюдцами и кофейник. – И еще раз не успеете соскучиться, как будете пробовать вкусные пирожные, – он опять убежал, но через минуту появился у стола с большой тарелкой разных вкусностей. – Таки пробуйте все, чтобы потом помнить, где вы получали такое удовольствие. Особенно порекомендую эклеры, таки я не зря предчувствовал,

что сегодня будут в гостях такие хорошие люди… Не буду мешать, если я понадоблюсь, вы только подумайте, и я таки сразу буду здесь…

– Денис Анатольевич, а вы подробно знаете японские обычаи? Расскажите что-нибудь…

– Боюсь, что не так уж и много. И в основном про японских воинов – самураев, ниндзя…

– Про самураев я уже немного от вас услышала, а кто такие нидзя?

– Правильно называть их «ниндзя». На русский язык «нин» переводится как «красться, скрываться», слово «ниндзя» еще часто переводится, как «скрывающий личность». Это – профессиональные шпионы и диверсанты, отлично организованные и обученные. Никто в мире не может с ними сравниться.

А самураи – это каста воинов, по аналогии с Европой это – рыцарское сословие, но есть и отличия. Если рыцари в своем большинстве хорошо умели только воевать, то настоящий самурай должен был разбираться в буддийской философии, живописи, музыке и поэзии. Особым шиком считалось сочинять стихи-хайку, в трех строчках порой заключался огромный смысл: и жизненный, и философский.

– А вы можете что-нибудь прочитать, господин самурай? – Даша насмешливо прищуривается.

– А могу, слушайте:

Над вишней в цвету

Спряталась за облака

Скромница луна.

Или вот еще:

«Осень пришла!» —

Шепчет холодный ветер

У окна спальни.

– Как здорово! Несколько слов, а нарисована целая картина!.. А чьи стихи вы читали на посиделках? Стиль не японский, а смысл… Тоже несколькими строчками создан целый мир ощущений… Кто их автор?

– Я их вычитал в каком-то литературном альманахе и не запомнил автора… – Да простит меня Мария Семенова, но она напишет своего «ВОЛКОДАВА» только в девяностые. А как я сейчас объясню это Даше?

– Но запомнили стихи…

– Такие стихи стоит запомнить, они сразу на душу ложатся.

– Почитайте, пожалуйста, еще, если помните. – Подперев ладошкой щеку, моя собеседница готовится слушать.

– С удовольствием, слушайте…

Из-за пазухи вынув щенка-сироту,

Обратился Хозяин со словом к коту:

«Вот что, серый! На время забудь про мышей,

Позаботиться надобно о малыше.

Будешь дядькой кутёнку, пока подрастет».

«Мур-мур-мяу!» – согласно ответствовал кот

И тотчас озадачился множеством дел —

Обогрел, и утешил, и песенку спел.

А потом о науках пошёл разговор:

Как из блюдечка пить, как проситься во двор,

Как гонять петуха и сварливых гусей.

Время быстро бежало для новых друзей.

За весною весна, за метелью метель.

Вместо плаксы-щенка стал красавец кобель.

И, всему отведя в этой жизни черёд,

Под садовым кустом упокоился кот…

Долго гладил Хозяин притихшего пса,

А потом произнёс, поглядев в небеса:

«Все мы смертны, лохматый, но знай, что душа

Очень скоро в другого войдёт малыша».

Пёс послушал, как будто понять его мог,

И… Под вечер котёнка домой приволок!

Тоже серого! С белым пятном на груди!

Дескать, строго, Хозяин, меня не суди.

Видишь, маленький плачет? Налей молока.

Я же котику дядькой побуду пока.

– Да… Такие стихи стоит запомнить… В них такое… даже не объяснить словами… просто чувствуешь, что прикасаешься к чему-то сокровенному, тайному… Хотя все самое обыденное – кот, пес, хозяин…

– Тут вопрос не в том, кто действующее лицо, а в том, как он воспринимает окружающий его мир. У тех же японцев есть пословица: «Будда в капле воды», в том смысле, что даже капля дождя на листике – это одно из бесконечных проявлений Божественного. Кто-то это видит, а других это оставляет равнодушным.

– Денис Анатольевич, вы говорите так, будто выросли или долго жили в Японии. Я до сих пор ни от кого такого не слышала. Признавайтесь, вы – их шпион… – Даша смотрит на меня смеющимися глазами и лукаво улыбается. До чего же мне нравится ее улыбка!

– Нет, Дарья Александровна, в Японии не жил и шпионом не являюсь, тем более, что они сейчас – наши союзники.

Она вопросительно поднимает брови.

– Мы же с ними десять лет назад воевали. А теперь – союзники?

– Да, тогда были причины для войны, а теперь Германия мешает японцам на Дальнем Востоке, поэтому Япония объявила ей войну и снабжает нас своим оружием. А то, что я рассказываю – у одного моего товарища, с которым вместе учились, отец – достаточно известный доктор, к нему в гости приезжали японские врачи. Они и рассказывали нам обо всем этом.

– А про самураев тоже они рассказывали?

– Да, и не только рассказывали, но и учили разным приемам борьбы. Представьте, пожилой японец, ростом мне по плечо, и два русских увальня, которые пытаются его схватить… и летят в разные стороны. Он потом и учил правильно драться, а до этого – правильно двигаться, дышать… И рассказывал нам о Стране Восходящего Солнца. Он сам – из знатного самурайского рода, после наступления эпохи Мэйдзи стал врачом, другие самураи становились чиновниками, инженерами, промышленниками, но обычаи своих предков не забыли.

– А до этого они только и делали, что воевали друг с другом?

– И да, и нет. У них был обычай «поединка на перекрестке дорог», так же впрочем, как и у викингов, и поединок этот заканчивался смертью одного из дерущихся, но и воспитывали их в духе того, что лучший бой – это тот, который можно предотвратить. Если хотите, я расскажу две легенды…

– Конечно, расскажите, профессор, я вся – внимание! – Опять эти смеющиеся глаза, и опять я тону в них.

– Хорошо, мадемуазель, слушайте внимательно, а то получите неудовлетворительную оценку! Первая легенда – о знаменитом мастере фехтования Миямото Мусаси. Однажды, путешествуя, он зашел на постоялый

двор. Усевшись в углу, он положил рядом меч и заказал обед. А вскоре в дом ввалилась подозрительная компания. Все были увешаны оружием и выглядели разбойниками. Приметив великолепный меч посетителя, бродяги принялись шептаться и угрожающе поглядывать на мастера. Тогда Мусаси спокойно взял палочки для еды и четырьмя уверенными движениями поймал четырех летавших над столом мух. Бродяги, видевшие эту сцену, стали пятиться к дверям, отвешивая низкие поклоны… Мастер не стал никого убивать и калечить, ему достаточно было вот такого предупреждения.

Вторая легенда – о двух знаменитых кузнецах-оружейниках, кстати, они тоже были самураями. Их звали Мурамаса и Масамунэ. Для того чтобы сравнить их мечи, оба клинка воткнули в дно ручья. Плывущие по течению листья, которые прикасались к мечу Мурамаса, оказывались рассеченными на две части. Когда же листья приближались к мечу Масамунэ, они огибали лезвие и уплывали невредимыми. Этот случай и послужил основой идеи меча в двух его ипостасях – меч разящий и меч предотвращающий… А я заболтал вас. Кофе уже остыл, и тарелка с пирожными еще полная.

– Вы что, хотите, чтобы я всё это съела?! – с деланным возмущением восклицает Даша. – Я же тогда растолстею, буду неповоротливой гусыней! Вы этого хотите, милостивый государь?!

– Нет, нет, что вы, сударыня! У меня и в мыслях подобного не было! – Приходится шутливо испугаться.

– Тогда, чтобы заслужить мое всемилостивейшее прощение, попросите хозяина сварить еще кофе. У него такой замечательный вкус и аромат, я еще ни разу такого не пробовала.

Едва я подхожу к стойке, как кондитер меня опережает:

– Таки еще кофе? Будет готов почти моментально…

– Хозяин, а можете открыть страшную коммерческую тайну? Я имею в виду рецепт. Этой молодой даме напиток очень понравился, она сказала, что в жизни не пила ничего подобного.

– Таки я больше чем уверен в двух вещах. – Лейба хитро смотрит на меня. – Во-первых, что господин офицер с дамой не пойдут кричать на всех перекрестках за мой рецепт, а во-вторых, что ваша дама приготовит кофе по моему рецепту не хуже меня и господин офицер таки сможет в этом скоро убедиться. А сейчас я уже несу кофе.

…Мы потихоньку пили терпкий ароматный напиток, Даша заставила меня «в отместку» съесть пару «Макарон».

– Чтобы у вас, Дарья Александровна, не сложилось мнение, что я – чокнутый профессор-японовед, хотите сказочный анекдот о русско-германской войне? – Дождавшись утвердительного кивка, продолжаю (будем привязывать анекдотный эпос к здешним реалиям, а что делать?): – Барон фон дер Пшик и Илья Муромец решили драться на дуэли. Вышли в чисто поле, барон подходит к Илье и рисует ему мелом на кольчуге крестик.

– Это еще что? – спрашивает Илья.

– Это то место, куда я попаду своей шпагой! – отвечает немец.

Илья поворачивается к секундантам и вежливо просит:

– Братцы, посыпьте его мелом и дайте мне мою булаву!

Даша громко смеётся, а кондитер, тоже слышавший анекдот, чуть не роняет поднос из рук.

– Таки у господина офицера очень смешные шутки, старый Лейба чуть не упал, когда это услышал.

Мы продолжали смаковать чудесный ароматный кофе. Не знаю, как другие, а я такой шедевр пробовал первый раз в жизни. Всякие «Нескафе», которые считались пределом мечтаний там, в начале двухтысячных, и рядом не стояли. Кондитерская стала потихоньку наполняться посетителями. Среди них появился какой-то субъект очень самодовольного вида, который, усевшись за столик, стал буквально сверлить нас взглядом. Точнее, на меня он особого внимания не обратил, а вот Дашу буквально «фотографировал». Она почувствовала этот

взгляд и поежилась, как от холода.

– Дарья Александровна, мне кажется, вот тот господин слишком пристально смотрит на вас…

– Да, он заведует снабжением госпиталей и лазаретов лекарствами и прочим имуществом. Был у нас несколько раз, решал какие-то вопросы с Михаилом Николаевичем. Наверное, узнал меня…

Внутри меня всепоглощающим пожаром вспыхивает ярость. Никто не имеет права смотреть на Дашу таким липким, обволакивающим взглядом!.. Дальше все получается как-то само собой. Дождавшись, когда он кинет быстрый взгляд на меня, я смотрю ему прямо в глаза и мысленно представляю, как со всей дури бью ему в переносицу. И в этот момент чувствую, как во взгляде выплескивается вся накопленная злость… Господин снабженец вздрагивает, как от настоящего удара, и быстро отводит взгляд, а я обращаюсь к своей спутнице:

– Сударыня, мы еще будем «пити и ести»?

– Нет, Денис Анатольевич, спасибо! Давайте уже будем собираться.

Подошедший кондитер выслушивает нашу благодарность, берет причитающуюся плату и обращается к Даше:

– Старый Лейба таки слышал, что молодая дама очень любит кофе и ей очень понравился сегодняший напиток. Осмелюсь предложить вот это. – С этими словами он протягивает Даше небольшую коробочку. – Там лежит написанный рецепт и немного составляющих для его приготовления. Если молодая дама будет довольна напитком, она всегда может найти все, что нужно для его приготовления, в этой кондитерской. Я таки буду только рад, если молодая дама и господин офицер будут заходить в заведение старого Лейбы.

Мы одеваемся, прощаемся с кондитером и выходим на улицу. Солнце уже садится за горизонт, но идти не особенно далеко, поэтому мы, не торопясь, гуляем по тихим улочкам, пока они не приводят нас в госпиталь. Я провожаю Дашу до «женской» половины. Перед дверями она поворачивается:

– Большое спасибо, Денис Анатольевич, за сегодняшний вечер…

Затем встав на цыпочки, тихонько целует меня в щеку… Потом проводит ладошкой по руке и повторяет:

– Большое спасибо…

Даша идет к себе в комнату, а моя окрыленная тушка, слегка помахивая этими самыми внезапно выросшими крылышками, летит в палату… где на все вопросы Дольского выдает интернациональный ответ: «No comments!», и с улыбкой от уха до уха валится на койку, погружаясь в мечты и фантазии…

Глава 10

На следующий день состоялся достаточно интересный разговор с Алексом и Юстасом – так для себя я окрестил господ разведчиков. Алексом был Дольский, а Юстасом – соответственно капитан Бойко. Я решил не размазывать кашу по тарелке, а сразу определиться:

– В чем будут заключаться мои обязанности? Что я должен буду делать, Валерий Антонович?

– Я не могу сказать вам ничего определенного, пока вы не дали согласие на работу в разведотделе, Денис Анатольевич. – Капитан, хитро прищурившись, смотрит на меня.

– Хорошо, в присутствии поручика Дольского официально заявляю, что согласен служить под вашим началом.

Бойко утвердительно кивает, потом на секунду задумывается и отвечает на вопрос:

– Ваши обязанности пока еще не определены до конца. Скорее всего, это будет сбор данных о германцах, координация разведки с казаками и охотничьими командами. Выздоравливайте, собирайтесь с силами и после выписки из

госпиталя будем думать, как вас лучше использовать.

– Валерий Антонович, мои соображения и мысли будут учитываться?

– Конечно же, никто не будет требовать от вас бездумных действий.

– А вам сейчас интересно выслушать мои соображения?

После утвердительного ответа я начинаю рассказывать о том, как по моему мнению стоит организовать прифронтовую разведку. И не только…

– Кто сейчас ходит в разведку за линию фронта? И с какой целью? Отдельные охотники от разных подразделений и только посмотреть на то, кто где из германцев стоит и чем занимаются, на крайний случай «языка» приволочь, так? Или казаки в набег уходят.

– Ну, в целом, вы правы. Да.

– А если этим будут заниматься специально обученные люди, сведенные в одно подразделение? Можно было бы сделать это на базе казаков, но, насколько я понимаю, мы для них – чужаки. И не всегда казачьи группы отличаются терпением и высокой дисциплинированностью.

– А откуда вам это известно, Денис Анатольевич? – Это уже поручик проявляет интерес к разговору. – Вы с ними за линию фронта ходили? И сколько раз?

– За линию фронта не ходил, все рассуждения на основе обычной логики. Пока то, что они делают, соответствует их подготовке. Но в случае, если круг задач расширяется…

– А что по-вашему можно еще делать там? – Капитан оценивающе смотрит на меня, ожидая ответа.

– Там, Валерий Антонович, можно еще диверсии проводить, например, в нужный момент перерезать железную дорогу, чтобы не позволить перекинуть подкрепления, продовольствие или боеприпасы, или устроить засаду, наподобие той, что вы рассказывали, или скрытно сосредоточить несколько пулеметов в

тылу или на флангах противника и в нужный момент нанести шоковый удар. Есть еще несколько задумок…

– Интересные мысли высказываете, господин прапорщик, продолжайте, пожалуйста.

– И я думаю, что такое подразделение нужно сделать на основе учебной полковой или пулеметной команды…

Все, минута на размышления пошла, как в «Поле чудес». Капитан задумывается так, что забывает про папиросу, а поручик, удивленно подняв брови, смотрит на меня, потом спрашивает:

– Денис Анатольевич, а как вы представляете себе проход за линию фронта?

– Скрытно, в ночное время, после тщательной разведки места перехода. Как-то вот так…

– А почему учебная команда? – снова вписывается в разговор Бойко. – Чем это обусловлено?

– Во-первых, нужно место постоянной дислокации со стрельбищем и учебным городком…

– Позвольте, что такое «учебный городок»?

Черт, я и забыл, что тут до этого еще не дошли!..

– Учебный городок – это место, где можно отрабатывать какие-либо действия небольших групп либо по отдельным вводным, либо в целом. Допустим, мы хотим натренировать группу на переход линии фронта. Отдельно отрабатываем переползание по-пластунски, отдельно – проход в проволочных заграждениях, действия во вражеских окопах, в том числе и снятие часового, и взятие языка, да и многое другое. А еще нужна полоса препятствий…

Да, Остапа понесло! Капитан смотрит на меня очень внимательным и немного удивленным взглядом. Как учитель, которому ученик первого класса начинает

доказывать, что Земля – круглая.

– Денис Анатольевич, а где это вы таких идей нахватались?

Ну и что ему отвечать? В НФП и учебнике по тактике? Издания одна тысяча девятьсот какого-то года?..

– В своей контуженой голове, Валерий Антонович, исключительно там. Да и посмотреть, как наши солдаты в атаку поднимаются, – всякие мысли в голову приходят, в основном нецензурные. Вот вы когда-нибудь борцовскую схватку видели? Представьте, что на ковер к опытному борцу выпускают мальчишку, которому вчера показали два приема. Каков будет итог?.. А если этого мальчишку потренировать отдельно, да дать побороться с равными, да пусть наберется опыта, тогда и итог схватки будет уже под вопросом.

– Все это так, конечно, только вот времени тренироваться у нас особо нет. Это надо было сделать сразу после 1905 года, да не до того было. Сначала нам япошки накостыляли, потом свои же россияне добавили – помоями обливали с ног до головы.

А вот это – шанс выкрутиться!..

– Вот тогда в гимназии и начал думать иногда об этом, хотя к военной карьере и не готовился. Вы знаете, господа, каждому, наверное, в отрочестве свойственно находить себе кумира из носящих такое же имя. Ну, а поскольку меня окрестили Денисом, то мимо личности полковника Давыдова, лихого рубаки двенадцатого года, никак пройти было невозможно. Стихи его обожаю с детства, многие знаю наизусть. Про его подвиги тоже наслышан, мемуары Дениса Васильевича читать доводилось. Потом, во время боев и сидения в окопах, начал думать, а как бы мог поступить мой юношеский кумир в этих условиях. Вот и додумался…

И, так понимаю, что если воевать, то по-настоящему… А насчет времени – можно обучить пятерых, каждый из которых потом обучит еще пятерку, и так далее. Только надо делать это в одном постоянном месте, чтобы и контроль был, и информация не разносилась. И еще, подчинены они должны быть штабу армии, нельзя распылять их по дивизиям и полкам. А вот разведку будут вести в интересах этих самых полков и дивизий по договоренности с начальством.

– …У нас при штабе есть казачья конвойная сотня, добровольцев можно попытаться найти там, да и учебная команда неподалеку имеется. Пока вы в госпитале, напишите что-то вроде докладной записки, я ее покажу командующему, думаю, он согласится…

Глава 11

До конца отпуска еще неделя, хотя чувствую себя очень даже неплохо. Но Михаил Николаевич – перестраховщик известный, поэтому неделю придется «позагорать» в палате. Хотя, честно говоря, я этим совсем не огорчен. Потому, что еще целых семь дней буду видеть Дарью Александровну. Раненые потихоньку прибывают, каждые два дня госпитальный обоз уходит забирать их по лазаретам. Старшим обоза ездит либо один из фельдшеров, либо кто-то из сестер милосердия. Дашу пока за ранеными не посылают. Во-первых, она у Михаила Николаевича – одна из лучших операционных сестер, а во-вторых, мне кажется, что наш доктор хитро дежурства и поездки назначает, уж больно подозрительно он улыбается, когда меня с ней видит…

Так, что-то я отвлекся от темы. А потому что – Даша. Потому что приятно видеть ее, говорить с ней, думать о ней… Всё, мысли с грифом «Личное» пока в сторону, а то так докладную капитану Бойко не напишу. Он завтра-послезавтра выписывается, швы с уха уже сняли, а сочинение о пакостях супостату желательно до отъезда отдать. Тогда, наверное, все быстрее завертится.

Итак, что мы имеем? Первое – цели и задачи, второе – способы и методы, как эти задачи решать и целей добиваться. Ну, и третье – силы и средства, которыми это все будет делаться.

Цель у нас одна – нанесение максимального ущерба германским войскам путем проведения различных диверсий и получение информации от «языков» и местных жителей, а также визуальным наблюдением. Хотя местным, скорее всего, можно будет доверять только процентов на десять, не более. «Языков» добывать будем сами, но надо еще обеспечить обмен информацией с другими разведчиками, с теми же казаками, например.

К диверсиям отнесем засады на дорогах на колонны снабжения, налеты на важные объекты типа складов с боеприпасами и т. д. Надо подумать о «рельсовой войне», только узнать сначала, кто водит составы: наши или немчура. Сюда же добавим подрыв мостов, только надо продумать, чем и кто этим будет заниматься. Я – ни разу не подрывник, казачки – тоже. Значит, надо брать минеров-саперов и гонять их вместе со всеми.

Далее, способы. По засадам все более-менее понятно: обездвиживаем голову и хвост колонны, будь то автомобили или повозки, а потом то, что в середине – тоже к ногтю. Если сил хватит. А чтобы хватило, нужно побольше гранат, и патронов побольше. Короче, всего побольше, сразу и желательно – бесплатно. А бесплатно у нас что может быть? Правильно, трофеи. Значит, вооружаться будем девяносто восьмыми маузерами, тогда и с боекомплектом будет полегче. Будем одалживать у кайзерзольдат, отдадим по частям: пули – отдельно, гильзы – пусть сами собирают, если будет кому. Ну, это я уже в пункт 3 залез, замечтался. А замечтался потому, что сижу на скамеечке возле корпуса, солнышко пригревает, тетрадка на коленях, карандашик в руках… А мимо очень знакомая «медсестричка» пробежала. Увидела меня и улыбнулась. Так хорошо улыбнулась, что опять все мысли из головы как ветром выдуло. Улыбнулся в ответ. Она уже далеко, а я все вслед улыбаюсь, на мартовском солнышке греюсь. А, ну да, март же на дворе, самый кошачий месяц! Мяу! Мур-р!

Так, все, продолжаем работать. К винтовкам мне бы пулеметы добавить, но пока знаю только о ручных «гочкисах» и «мадсенах». Надо найти пулеметчиков и расспросить, что из этого лучше. Из «Белого солнца пустыни» помню еще «льюис», но про него никто вроде пока не слышал. Елки-палки, опять я на «силы и средства» перепрыгнул. Вот что весна-то с контужеными делает!

Так, про диверсии подумали, теперь – про разведку. Как уже говорил, информацию получать от «языков», и своих, и чужих, чтобы все данные в разведотделе собирались. И на карту наносились. И все-таки попытаться поработать с населением. Вроде бы у Валерия Антоновича должен быть какой-то денежный фонд на это дело. Надо с ним решать этот вопрос.

От местных требуются две вещи: наблюдение за немцами, в смысле – кто, куда, когда, и – приютить группу на ночь. Но с этим надо очень осторожно, Польша как-никак. Короче, пока в теории, детали прорабатывать будем позже. А еще нужно узнать у Бойко, где тут летуны стоят. Видел пару раз какую-то «стрекозу» в небе – это тоже источник информации.

И последнее, чуть не забыл! Валерий Антонович сказал, что немцы себя неправильно ведут по отношению к раненым, пленным и гражданским. Пытки, издевательства, мародерство, реквизиции и все такое. Вроде бы при Ставке даже комиссия специальная создана, все это расследовать. Надо у Бойко уточнить и, если это правда, – устроить им адекватный ответ по полной. Вроде как помню, во время Великой Отечественной Иосиф Виссарионович приказал не брать в плен солдат того немецкого полка, что Зою Космодемьянскую повесили. Надо это взять на вооружение. И обязательно оповещать «гансов», что из-за одного или нескольких уродов рано или поздно пострадают все. И по фактам несколько «показательных процессов» устроить. Чтобы помнили – кто с мечом к нам придет, от дубины и погибнет. В виде отбивной обратно в свой фатерлянд поедет… Что-то я развоевался… Идем дальше, – тот самый пункт 3: «Силы и средства». Силы – это:

– добровольцы из казаков, у них есть хорошие практические навыки;

– добровольцы из других войск, особенно саперы и пулеметчики;

– добровольцы вообще, но физически подготовленные и, желательно, грамотные.

Потому что предстоит нам и марш-броски бегать, и на полосе препятствий страдать, и на стрельбище воевать, и подрывное дело, хотя бы в азах, изучать. А еще тактическое поле нужно.

Основная единица – группа: командир, пара пластунов, пара стрелков, если повезет, меняем их на пулеметный расчет, и сапер, он же минер. Должности могут и должны совмещаться. Хорошо, если следопыты-охотники попадутся. Бойко говорил о конвойной сотне – это где-то сто – сто двадцать человек. Взять оттуда пять добровольцев, будет первая группа. Поднаберутся опыта, набираем еще по четыре-пять бойцов на каждого. В свободное время пусть учат, в том числе и личным примером.

И надо продумать материально-техническое обеспечение. То бишь кухню, баню, прачечную и т. д. Я солдат послушал, чуть в осадок не выпал. Баня – раз в две недели, стирает каждый сам себе самостоятельно… Про продукты – вообще «Ужас, летящий на крыльях ночи». На завтрак – ржаной хлеб и чай, если солдат сам его купит. А если нет, то кипяточком обходятся. Обед – щи и каша. Ужин –

то, что от завтрака и обеда останется. Про овощи – даже не слышал. И как с такой кормежкой полную нагрузку давать? Ладно, это тоже с Валерием Антоновичем обговаривать будем.

Теперь – последнее: средства. Про карабины и гранаты уже говорил, помимо этого нужен короткоствол для ближнего боя, то бишь пистолеты или револьверы. А еще нужны ножи, лопатки, «сбруя». Насчет последней – надо думать: сколько чего в нее впихнуть и где все это разместить.

Да, чуть не забыл. Пора изобретать «коктейль Молотова» и, если получится, напалм. И поэкспериментировать с ним. А еще было бы неплохо иметь камуфляжи и лохматки, бинокли… и губозакатывающий комбайн в придачу. А вот что еще забыл, у немцев нужно усиленно искать снайперов. И отбирать у них их игрушки. Нам они самим ой как пригодятся…

Все, мысли кончились. А кончились потому, что «медсестричка» Дарья Александровна обратно идет и опять улыбается… Сейчас точно кошачью серенаду петь буду!.. М-р-р!!! М-я-я-у-у!!!

…Ну, вот и написали «шедевр». Теперь можно идти переписывать набело и отдавать… СТОЯТЬ!!!.. Какое «отдавать»!.. Слоник КМБэшный!.. Ворона брезентовая!.. Конь педальный!.. В каком месте мозги живут?!.. Сейчас бы переписал и отдал… С орфографией конца XX века!.. И как мне сейчас все эти «яти» и «еры» писать?.. Стоп, кажется, знаю, кто мне может помочь!.. Зовем Дениса Первого!

«Прапорщик Гуров, подъем! … Денис, откликнись!»

«Что тебе еще от меня нужно?»

«Тут такое дело… Короче, мне нужно написать одну бумагу… По всем правилам вашего правописания».

«И ты хочешь, чтобы я тебе помогал после того, как ты меня загнал в самый дальний уголок мозга? Отнесся ко мне хуже, чем к бродячей собаке?»

«А ничего, что ты меня чуть не убил?!»

«Я просто хотел сам уйти…»

«Ага, и меня за собой потащил. В общем, я тут придумал кое-что… Когда напишем, поймешь, что если все получится, у тебя шансов уйти будет более чем достаточно. Поможешь?»

«Ну… Хорошо… Кстати, а Дарья Александровна очень недурна собой».

«Ну, ты тут мне еще конкуренцию составлять будешь!..»

Глава 12

Все хорошее когда-нибудь кончается. И обычно гораздо чаще и быстрее, чем плохое… Позавчера утром Михаил Николаевич провел последний осмотр и официально заявил, что я годен к службе и могу катиться под пули и взрывы, если не дорожу своей молодой драгоценной жизнью. Еще сказал, что Бойко прислал бумагу, по которой мне надлежало явиться в штаб армии для дальнейшего прохождения службы…

На дворе – весна, солнце светит вовсю, скоро уже зелень молодая пробиваться будет… А на душе – поздняя осень. Низкое свинцовое небо, противный моросящий дождь. И кошки скребут. Всеми четырьмя лапами… Потому что сегодня в последний раз увижу Дашу… Пока лежал в госпитале, привык к тому, что ОНА всегда рядом, что можно быть счастливым от того, что увидел ЕЁ, поговорил с НЕЙ…

Вчера было наше второе и прощальное свидание. Мы снова сходили в город, в «нашу» кондитерскую. Лейба принял нас как самых дорогих гостей, но весело не было. Не помогли даже свежайшие вкусняшки и кофе, заваренный хозяином по фирменному рецепту. Ел сладкое, а во рту ощущалась горечь. Даша была молчалива, серьезна и немного рассеянна…

Когда подошел к буфетной стойке, Лейба осторожно спросил:

– Таки у меня что-то со зрением, или у господина офицера и молодой дамы плохое настроение?

– Вы правы. Настроение – хуже некуда… Завтра выписывают из госпиталя, и я уезжаю…

Лейба наклонил голову, мол, понимаю, помолчал и вдруг спросил:

– Могу я сделать один маленький подарок господину офицеру и молодой даме? Это займет совсем немного времени…

Он открыл дверь на кухню и что-то крикнул на идиш. Тотчас же появился мелкий чернявый поваренок, которому была дана инструкция на том же языке. Поваренок метнулся на выход, а я подошел к столику и сел напротив Даши.

– Денис, можно я буду называть вас так? И вы называйте меня – Даша. Денис, скажите, то место, где вы будете служить, далеко отсюда?

– Нет, недалеко… И при любой возможности я буду приезжать, чтобы увидеть вас… Если вы это позволите…

Я взял Дашину руку, медленно поднес к губам и поцеловал… Ее рука дрогнула, но осталась в моей, и мы сидели и молча смотрели друг другу в глаза… Раздался стук входной двери. Повернув голову, увидел вошедших еврейских юношу и девушку лет четырнадцати. Поздоровавшись, парень достал из футляра, который принес с собой, скрипку, приложил к плечу и поднес смычок. А девчушка запела… Она пела на своем языке, слова были непонятны, но звонкий голос, поддержанный скрипкой, завораживал и околдовывал. Мелодия была грустной, но одновременно в ней была слышна светлая печаль и обещание чего-то хорошего…

«…И не важно, что дорога длинна и тяжела, что над головой черные тучи, что дождь промочил тебя до последней нитки, а ветер норовит сбить с ног… Если ты знаешь, куда идти, если тебя там ждет та, которую ты любишь и которой ты дорог, ты дойдешь, ты обязательно найдешь свой путь в самой непроглядной тьме, ты преодолеешь все трудности и невзгоды. Ты дойдешь, и на пороге дома наградой будет тебе счастливое сияние любимых глаз…»

Даша смотрела на меня не отрываясь, по ее щекам катились две маленькие слезинки, а в глазах была и грусть, и обещание новой встречи… и что-то, что я не мог еще понять… Понимал только, что теперь все будет хорошо. И у меня, и у нее… Точнее – у НАС…

Девочка закончила петь, а скрипач все еще продолжал мелодию. Он импровизировал, скрипка перестала плакать, мелодия превратилась из грустно-печальной в светло-торжественную… Последний звук затих, в кондитерской стояла мертвая тишина…

– Денис, я буду ждать вас… И молиться за вас… Только вы возвращайтесь…

…И сейчас я стою на пороге госпитального корпуса, все вещи были давно собраны и уложены в вещмешок, уже попрощался с Дольским, с Михаилом Николаевичем, который в очередной раз прочитал нотацию о сохранении здоровья… Не было видно только Даши. Спрашивать, где она, не решался, поэтому стою возле крыльца и пытаюсь прикурить очередную папиросу. Да что за дрянь, эти спички!.. Вместо того, чтобы зажигаться, только ломаются…

Проходившая мимо «медсестра» из старших, внимательно посмотрев на меня, подходит и негромко говорит:

– Прапорщик, не уходите… Ждите здесь…

Проходит целая вечность, мимо меня снуют санитары, таская носилки с вновь прибывшими ранеными, переругиваются возницы, царит обычная для госпиталя суета. Всё, пора… Бросаю окурок в бочку с водой и делаю несколько шагов в сторону выхода… И непроизвольно оборачиваюсь… Даша с чуть-чуть растрепавшейся прической, с припухшими глазами сбегает с крыльца.

– Денис… Я вас провожу немножко… Хорошо?

Она берет меня под руку, и мы медленно идем к выходу, провожаемые множеством взглядов, которые явственно ощущаются спиной. Даша идет молча, сосредоточенно глядя под ноги. Я не могу выдавить из себя ни одного слова, язык словно прилип к гортани. Мы проходим уже метров сто, когда Даша останавливается и смотрит мне в глаза.

– Я не хочу, чтобы вы уезжали… Будь проклята эта война… Я знаю, что ваш долг – быть там… Очень вас прошу – останьтесь в живых… И возвращайтесь!.. Вы подарили мне защитника, я тоже хочу сделать вам подарок. – Она протягивает мне небольшой сверток. – Только откройте его, когда будете уже в пути…

– Спасибо. – Мой голос звучит сипло и надтреснуто. – Я обязательно останусь в живых и обязательно вернусь… вернусь к вам, Даша… Потому, что вы теперь – смысл всей моей жизни…

Я хочу взять ее руку, но она порывисто обнимает меня… Потом поворачивается и медленно идет обратно. В глазах темнеет, я кидаюсь за ней…

– Даша!.. Дашенька!.. Я хотел вам сказать… Я люблю вас, Даша!..

Она проводит прохладной рукой по моей щеке, обнимает за шею, и наши губы встречаются… И не расстаются долго-долго… Затем Даша делает шаг назад, осеняет меня крестом и совсем тихонько произносит:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Спайдермен — человек-паук (англ. spider-man).

2

АФУ – антенно-фидерное устройство.

3

Volens nolens (лат.) – волей неволей, хочешь не хочешь.

4

Строка из сказки Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца».

5

Стихи Марии Семеновой.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zurkov_igor/beshenyy-praporschik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить